

К О Н Ч И Н А
И П О Г Р Е Б Е Н І Е
ПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ІОАННА,
Е П И С К О П А
СМОЛЕНСКАГО И ДОРОГБУЖСКАГО.

Церковь русская понесла новую и великую потерю: 17 марта, на 51 году жизни, неожиданно скончался Доктор Богословія, Преосвященнѣйшій Іоаннъ, Епископъ Смоленскій и Дорогубужскій. «Какъ русскій ученый канонистъ, говоритъ о немъ корреспондентъ Биржевыхъ Вѣдомостей, онъ своею внезапною смертію нанесъ Россіи долго цезознаградимую потерю, которая дастъ себя почувствовать именно въ настоящее время, когда возбуждены вопросы, церковно-каноническіе попреимуществу, таковы: вопросъ о соединеніи англиканской церкви съ православною, вопросъ церковно-болгарскій, вопросъ о созваніи вселенскаго православнаго собора, вопросъ объ образованіи въ средѣ римско-католическаго и протестантскаго міра національныхъ православныхъ католическихъ церквей и т. д. Покойный канонистъ успѣлъ высказаться только напервому изъ этихъ вопросовъ, но его ученость много бы помогла разумному и православному рѣшенію другихъ».

Вѣсть о кончинѣ Преосвященнѣйшаго Іоанна подобно внезапному грому поразила всѣхъ, знавшихъ почив-

шаго Архипастыря и сначала ей никто не хотѣлъ вѣрить; но двѣнадцать медленныхъ, унылыхъ и печальныхъ ударовъ большого соборнаго колокола около двѣнадцати часовъ утра удостовѣрила всѣхъ въ грустномъ, тяжеломъ, роковомъ событіи. Правда, многимъ давно уже было извѣстно, что знаменитый Архипастырь, весь преданный паукѣ, долгу и труду, не пользовался здоровьемъ: сила духа, не знавшая усталости, и жизнь, вся проникнутая сознаніемъ высоты долга, вѣрная своимъ глубокимъ убѣжденіямъ и несклонявшаяся ни передъ какими препятствіями или случайными обстоятельствами надломили физическій организмъ и истощили его тѣлесныя силы. Знаяшіе его лично, еще въ бытность его ректоромъ С.—Петербургской ~~академіи~~^{университета}, вполне замѣчали слабость его здоровья, которое еще тогда самымъ замѣтнымъ образомъ стало измѣнять ему. «Намъ жаль было смотрѣть, говорить одинъ изъ знавшихъ его лично, когда покойный приходилъ на лекцію то желтый, какъ кленовый листъ, то блѣдный, безжизненный, какъ смерть». (*)

Съ такими-то физическими силами почившій Архипастырь прибылъ на дѣло святительскаго служенія въ Смоленскъ и, по обычаю, весь предался труду и дѣлу на новомъ полѣ своей жизни. По причинѣ этой слабости силъ онъ не могъ выносить физической напряженности—ни въ служеніи, которое онъ совершалъ скоро, ни въ личномъ приѣмѣ просителей, съ которыми онъ вѣдался большою частію на бумагѣ. Во время кратковременнаго святитель-

(*) Газет. „Голосъ“ № 79.

скаго своего въ Смоленскѣ служенія, онъ нѣсколько разъ подвергался сильнымъ припадкамъ болѣзни; но покой и отдыхъ были не въ его природѣ: еще не оправившись отъ болѣзни онъ снова предавался занятіямъ и спѣшилъ на трудъ. За двѣ недѣли до кончины своей онъ чувствовалъ до того сильный припадокъ первой болѣзни въ головѣ, что совершенно потерялъ—было слухъ и объяснялся со врачомъ и прислугой посредствомъ письма на аспидной дощечкѣ:—это было въ концѣ сырной недѣли. Около этого времени постоянно пользовавшій почившаго врачъ съ скорбію говорилъ своимъ знакомымъ, что жизнь Преосвященнѣйшаго держится на волоскѣ; но покойный Архипастырѣ, не успѣвши оправиться и отъ этой сильной болѣзни, снова предался своей обычной дѣятельности: всю первую недѣлю великаго поста онъ занимался дѣлами, въ недѣлю православія служилъ въ кафедральномъ соборѣ, совершалъ положенный чинъ православія и произнесъ свою, увѣ, послѣднюю прекрасную бесѣду о духѣ православной церкви и значенія церковнаго отлученія! Въ слѣдующее воскресенье—16 марта онъ снова совершалъ литургію и по окончаніи ея преподавалъ желавшимъ свое послѣднее благословеніе, чего, по слабости силъ, онъ не всегда позволялъ себѣ. Послѣ обѣдни онъ принималъ въ своихъ покояхъ г. Начальника губерніи съ семействомъ и довольно долго бесѣдовалъ съ нимъ. Казалось, что здоровье Преосвященнѣйшаго возстановилось по прежнему и никто не подозрѣвалъ столь грозной и столь близко предстоявшей опасности. Впрочемъ лица, близко знавшіе Архипастырѣ, замѣчали, что въ жизни Преосвященнаго въ

этотъ день происходило что то не совсѣмъ покойное, и только сила духа, господствовавшая надъ самыми страда- ніями, скрывала отъ всѣхъ его внутреннее состояніе. Такъ во время служенія литургіи Преосвященный почти не въ состояніи былъ держать двикрій и трикрій, произнести возгласъ и наклонить голову; ту же слабость и тоже из- неможеніе замѣчали и въ покояхъ его при приѣмѣ г. На- чальника губерніи съ семействомъ; но, по обычаю, Пре- священнѣйшій все таилъ въ глубинѣ своей души и о своемъ состояніи не сказалъ никому ни слова. Намек- нуть же ему о своихъ наблюденіяхъ не смѣли, потому что боялись встревожить его и усилить болѣзненное сос- тояніе.

Около половины 2 часа Архипастыръ совершилъ про- гулку и, проѣхавши нѣсколько городскихъ улицъ, часа въ три возвратился домой. Восходя по лѣстницѣ въ свои по- кой, онъ почувствовалъ такую слабость въ ногахъ, что съ трудомъ могъ идти далѣе; но при помощи прислуги онъ прошелъ въ свои покои и скоро потребовалъ обѣдать. За обѣдомъ онъ почти ничего не ѣлъ и около 6 часовъ легъ отдохнуть, отдавши приказаніе, что сегодня вече- ромъ онъ не будетъ никого принимать. Во время вечер- няго чая, около 8 часовъ вечера, печальные предвѣстники кончины показались яснѣе: Архипастыръ почувствовалъ такое ослабленіе силъ, что не могъ ходить и изъ рукъ его выпала чайная чашка. По окончаніи вечерняго чая онъ сказалъ прислугѣ, что ему что—то не здоровится и что онъ чувствуетъ большую слабость въ ногахъ. На вопросъ: не нужно ли пригласить врача?—Преосвященный отвѣ-

чалъ, что сегодня уже поздно и что особеннаго оуъ ничего не чувствуетъ; но отдалъ приказаніе пригласить врача утромъ. Часовъ въ 10 вечера—гораздо ранѣе обыкновеннаго оуъ легъ въ постель, предварительно заперши, по обычаю, двери кабинета.

До 10 часовъ утра 17 марта прислуга была увѣрена, что Преосвященный, не спавшій долго отъ нездоровья, подкрѣпляетъ свои силы позднимъ сномъ, а потому, сдѣлавши нѣсколько знаковь легкаго доклада и не получивши никакого отвѣта, она успокоилась. Около 11 часовъ прибылъ приглашенный врачъ и хотѣлъ посѣтить больного Архипастыря. Подошли къ дверямъ кабинета и начали производить легкій стукъ—отвѣта нѣтъ. Стукъ въ двери усилили,—отвѣта нѣтъ. Врачъ, хорошо знакомый съ состояніемъ здоровья Архипастыря и узнавшій о вчерашнихъ болѣзненныхъ признакахъ, скоро догадался о положеніи дѣла и сказалъ находившимся съ нимъ: «есть что—нибудь неблагополучное!» Отворивши двери кабинета тихою, Преосвященнѣйшаго нашли скончавшимся и находившимся подлѣ своей постели: по нѣкоторымъ признакамъ можно полагать, что, вставши съ своей постели, оуъ началъ было собираться на свой обычный трудъ; но приливъ къ головѣ мгновенно лишилъ его силъ и прекратилъ эту дорогую жизнь!

На страшную вѣсть о кончинѣ Архипастыря скоро собрались въ слезахъ: члены консисторіи, ректоръ семинаріи, г. начальникъ губерніи, вице-губернаторъ, полиціймейстеръ, прокуроръ, градскій голова и другіе лица, успѣвшія узнать о печальномъ событіи. Когда докторъ, посто-

явно пользовавпій Архипастыря, увѣрилъ, что признаковъ жизни въ его тѣлѣ нѣтъ; оно было отерто губкою и, по подлежащемъ облаченіи членами консисторіи поднято изъ кабинета и перенесено въ залъ, гдѣ находился уже весь Архіерейскій штатъ. Здѣсь ключарь собора и иподіаконы приступили къ облаченію Святителя въ Архіерейскія одежды. Церемонія архіерейскаго облаченія всегда паиздательна: она возводитъ помыслы къ великому значенію Пастырей въ древней христіанской церкви; но невыразимо—трогательною представлялась ова нынѣ, когда облачали *почившаго* Архипастыря и какъ бы отдавали ему послѣднюю земную почесть. Потрясающее висчатлѣніе испытали всѣ находившіеся здѣсь, слушая торжественныя пѣсни, положенныя при облаченіи Епископа и видя предъ собою бездыханное тѣло отшедшаго ко Господу. По окончаніи облаченія, вмѣсто: *Нѣ; колла етѣ Деспота*, на возглашеніе протодіакона: *со блаженномъ успеніи вѣчный покой подаждь Господи*. . . хоръ пѣвчихъ умплительно—трогательнымъ напѣвомъ отвѣчалъ: *вѣчная память!* Въ слезахъ всѣ обратились къ иконамъ и съ молитвою о почившемъ пали на землю.

По совершеніи первой паннихиды надъ усопшимъ Архипастыремъ съ извѣстіемъ о кончинѣ его немедленно отправлено было двѣ телеграммы къ Г. Синодальному Оберъ-Прокурору: одна отъ Консисторіи, другая—отъ г. Начальника губерніи. До полученія отвѣта отъ св. Синода, Консисторіею сдѣланы были, между прочимъ, слѣдующія распоряженія: по назначенію градскаго благочиннаго священно-служителя немедленно приступили къ постоянному

ченію Евангелія при гробѣ Святителя, которое продолжалось непрерывно днемъ и ночью до самаго дня погребенія останковъ Святителя. Определено было совершать соборныя панихиды дважды въ день—одну въ 12 часовъ утра, а другую въ 6 часовъ вечера, о чемъ сообщено было г. Начальнику губерніи, а граждае города Смоленска извѣщены были особыми печатными объявленіями. Чрезъ редакцію епархіальныхъ вѣдомостей сообщено было всему духовенству смоленской епархіи, чтобы оно по полученіи извѣстія о кончинѣ Архипастырѣ, въ тотъ же день совершило панихиды объ усопшемъ Архипастырѣ и поминало его на литургіяхъ въ—теченіе цѣлаго года.

Въ среду, 19 марта въ 11 часовъ, происходилъ выносъ тѣла Пресвященнаго изъ покоевъ архіерейскаго дома въ зимній Богоявленскій соборъ, въ которомъ предположено было совершить въ этотъ день литургію, а по окончаніи ея соборную панихиду. Обо всемъ этомъ печатными объявленіями снова были извѣщены какъ Начальственные лица города, такъ и граждане Смоленска. До настоящаго дня, когда входъ къ останкамъ почившаго Архипастыря былъ открытъ для всѣхъ, на панихиды и во все прочее время дня и до поздней ночи, для поклоненія Святителю народъ всѣхъ звачій и состоящій, пола и возраста собирався въ такомъ огромномъ количествѣ, что не позволялъ ни свободнаго входа, ни выхода духовенству, приходившему на панихиды; не смотря на обширность покоевъ архіерейскаго дома, жаръ и тѣспота были въ нихъ страшные. Во избѣжаніе подобныхъ затрудненій консисторія вынуждена была обратиться за содѣйствіемъ къ полиціи и просить

ее, чтобы входить въ покои архіерейскіе и въ церкви: 19 числа—день выноса и 21— день погребенія Архипастыря ограничить былъ выдачею билетовъ. Къ 11 часамъ, еще до начала выноса останковъ почившаго, въ архіерейскіе покои собрались все духовенство города Смоленска—соборнос, приходское и монашествующее: все оно было въ черныхъ ризахъ. Имѣвшіе служить въ этотъ день литургію въ соборѣ пришли въ полномъ облаченіи. Къ началу выноса прибыли: Начальникъ губерніи, Начальникъ квартирующихъ войскъ, Вице-губернаторъ, уѣздный предводитель дворянства, многіе представители власти гражданскаго и военнаго вѣдомства, почетные граждане и многіе изъ жителей города. Около мощей Святителя стоялъ его гробъ. По окончаніи литіи, Ректоръ семинаріи окропилъ гробъ св. водою, а Каоedralный Протоіерей произнесъ первое надгробное слово и теплою чувствна до слезъ тронулъ многіхъ, пораженныхъ внезапною кончиною мудраго Пастыря. Когда хоръ пѣвчихъ прошѣлъ: *вѣчная память* и началъ канонъ: *Помощникъ и покровитель бысть мнѣ во спасеніе.* .; останки почившаго Святителя старѣйшими протоіереями вложены были въ приготовленный гробъ. Шестью священниками съ іеромонахами и четырьмя дьяконами гробъ взяли на руки и—печальное шествіе изъ покоевъ архіерейскаго дома въ соборъ началось. На дворѣ, предъ крыльцомъ архіерейскаго дома стали рядами воспитанники семинаріи, чтобы отдать почившему Архипастырю прощальный поклонъ, когда будетъ проходить его гробъ. Самое шествіе происходило въ такомъ порядкѣ: впереди всей процессіи шелъ діаконъ съ

крестомъ, осѣняемымъ двумя хоругвями; за діакономъ два священника рядомъ несли св. икону и Евангеліе; за ними два діакона на блюдахъ несли омофоръ и митру, а за ними шли пять діаконовъ съ гробовою крышею Святителя. Медленною и грустною поступью тянулся длинный рядъ протоіереевъ и священниковъ попарно, за которыми слѣдовалъ хоръ пѣвчихъ въ черныхъ сюртукахъ съ плечами на рукавахъ и воротникахъ. Два іеромонаха несли подушки съ орденами, за ними шли посошникъ и лампадчикъ. Предъ самымъ гробомъ Архипастыря шли два соборныхъ діакона съ кадилами, у главы почившаго находились діаконы съ рипидами, а по сторонамъ гроба — по діакону съ дикиріемъ и трикиріемъ. Непосредственно за гробомъ, поддерживая его, шелъ Ректоръ семинаріи и за нимъ слѣдовали всѣ, находившіеся въ покояхъ архіерейскихъ при выносѣ тѣла изъ дома. Заупокойный перезвонъ началъ былъ еще въ 10 часовъ; а въ началѣ выноса, по соборному звону, трезвонъ произведенъ былъ во всѣхъ Смоленскихъ церквахъ, — приходскихъ и монастырскихъ: звонъ колоколовъ продолжался болѣе четверти часа. При поднесеніи гроба Святительскаго ко входу въ домовую церковь совершена была краткая литія, и покойный Архипастырь какъ бы навсегда простился съ покоями, имъ занимаемыми... Своею печальною торжественностію эта процессія возбуждала необыкновенно-грустное впечатлѣніе въ массахъ народа, несмотря на сырую погоду, собравшагося со всего города и сплошною массою покрывавшаго всю довольно обширную площадь между архіерейскими покоями и холоднымъ соборомъ. Особенно трогательна была минута, когда появи-

лись всѣ знаки святительскаго достоинства. Можно было подумать, что Архипастырь, недавно совершавшій служеніе въ соборѣ, снова торжественно шествуетъ въ соборъ, по случаю великаго праздника въ Смоленскѣ; по совсѣмъ другія чувства рождались въ душѣ, когда вслѣдъ за многочисленнымъ сонмомъ духовенства и званами архіерейскаго достоинства показался Святитель, лежащій во гробѣ, осыняемый рипидами и покрытый архіерейскою мантиєю: онъ шелъ не на служеніе въ соборъ, съ своимъ жизненнымъ словомъ, но—безмолвный шелъ гораздо далѣе!. Когда гробъ Архипастыря внесенъ былъ въ соборъ и поставленъ на амвонѣ, на особо для сего устроенномъ возвышеніи, хоръ пѣвчихъ началъ седьмую пѣснь канона: *Сотрѣшихомъ, беззаконновахомъ, неправдовахомъ предъ тобою...* Совпаденіе этой покаянной пѣсни канона съ появленіемъ усопшаго Архипастыря въ соборъ произвело во многихъ тяжелое впечатлѣніе: многимъ показалось, будто паства смоленская сама виною своей потери, будто противъ почившаго Пастыря много было сдѣлано *неправды...* Вокругъ гроба почившаго на архіерейскомъ амвонѣ расположены: подсвѣчники, рипиды, дикирии и трикирии, лампада и посохъ, которые во время всякаго богослуженія находились въ рукахъ діаконовъ, ѱподіаконовъ и прочихъ лицъ, принимающихъ участіе въ архіерейской службѣ.

Среди всеобщей скорби началась литургія преждеосвященныхъ Даровъ, которую совершалъ Ректоръ семинаріи съ кафедральнымъ Протоіереемъ Ждановымъ и тремя священниками. Тяжело было на сердцѣ, когда на великой эктеніи, послѣ молитвенныхъ прошеній о св. Синодѣ, смо-

ленская паства уже не услышала молитвы о своемъ Архипастырѣ, хотя онъ какъ бы занималъ свое обычное мѣсто и служащіе отдавали ему честь по церковному чиноположенію. Во время причаства инспекторъ семинаріи произнесъ слово, въ которомъ охарактеризована была жизнь и дѣятельность усопшаго Архипастыря. По окончаніи литургіи всѣмъ духовенствомъ города Смоленска, въ присутствіи всѣхъ начальственныхъ лицъ города, почетныхъ гражданъ и множества народа, совершена была панихида.

Въ 5 часовъ по полудни того же дня изъ С.-Петербурга получена была телеграмма, которая извѣщала, что совершить погребеніе скончавшагося Смоленскаго Архипастыря, по распоряженію Св. Синода, поручено Преосвященнѣйшему Саввѣ, Епископу Полоцкому и Витебскому, а около полуночи, съ 19 на 20 марта, съ поѣздомъ Витебской желѣзной дороги, прибылъ и самъ Преосвященный Витебскій. Утромъ 20 числа, въ 12 часовъ, Преосвященнѣйшій Савва съ соборнымъ и градскимъ духовенствомъ, въ присутствіи многочисленнаго стеченія народа, совершилъ панихиду при гробѣ усопшаго Архипастыря, а въ 6 часовъ тѣмъ же Преосвященнымъ со многими лицами изъ духовенства, при множествѣ градскихъ жителей и въ присутствіи всѣхъ почти воспитанниковъ семинаріи, совершена была вторая панихида. Послѣ пѣнія: *со святыми упокой*., одинъ изъ воспитанниковъ семинаріи, облаченный въ стихарь, передъ гробомъ усопшаго Архипастыря произнесъ рѣчь, дышащую искренностію и отвращенностію юпошескаго чувства.

21 марта совершенно было погребеніе тѣла Преосвя-

щеннѣйшаго Іоанна. По предварительнo сдѣланному распоряженію Консисторіи, заупокойный благовѣстъ въ этотъ день начался въ 8^{1/2} часовъ, а къ совершенію литургіи— въ 9^{1/2}. Въ десять часовъ прибылъ въ соборъ Преосвященнѣйшій Савва и началъ совершеніе литургіи Златоустаго. Въ сослуженіе Преосвященнѣйшему Витебскому назначены были: Архимандритъ Алексій, Каѳедральный Протоіерей Ждановъ, Инспекторъ семинаріи священникъ Лебедевъ, Ключарь собора Протоіерей Юшеновъ, Казначей архіерейскаго дома іеромонахъ Андрей и родственникъ покойнаго Архiepастыря—священникъ Ильинскій. Послѣ малаго входа, при молитвѣ о спасеніи царствующаго дома, св. правительствующаго Синода и совершавшаго литургію Преосвященнѣйшаго Саввы, Полоцкаго и Витебскаго, уже не раздалось: *Еѣ полла етѣ, Аѣсѣота смоленскому Архiepастырю; но по возгласу протодіакона: во блаженномъ успеніи. . . тѣже исполтчики возгласили: ѣтъчная память!* Во время причастіа ректоръ семинаріи Архимандритъ Несторъ произнесъ слово, въ которомъ выразилъ убѣжденіе, что почившій Архiepастырь совершилъ порученное ему служеніе на землѣ согласно съ волею Божіею и, какъ вѣрный исполнитель ея, послѣдовалъ въ царствѣ небесномъ вѣчное блаженство. По окончаніи божественной литургіи начато было погребеніе почившаго Архiepастыря, по чину погребенія священническаго. Къ погребенію въ Бозѣ почившаго Святителя, въ присутствіи всѣхъ начальственныхъ лицъ гражданскаго и военнаго вѣдомства, почетныхъ гражданъ города Смоленска, воспитанниковъ семинаріи и духовнаго

училища и множества народа, собралось все смоленское духовенство: градское, приходское и монашествующее. Были лица, прибывшія нарочно для этой цѣли изъ ближайшихъ городовъ и селъ. Проводъ священническій, величественный и торжественный по своему духу и содержанію, еще болѣе казался величественнымъ предъ гробомъ лица, надъ которымъ онъ совершался, при мысли о приближеніи жизни почившаго Святителя къ характеру христіанскаго Пастыря и при величественной внѣшней обстановкѣ: онъ шелъ тихо, медленно и продолжался очень долго. Пять, положенныхъ на погребеніи, Апостоловъ читаны были пятью діаконами, первое и послѣднее Евангелія съ положенными послѣ нихъ молитвами читалъ самъ Преосвященнѣйшій Савва, а прочія съ Его благословенія прочитаны были тремя изъ старѣйшаго духовенства. Стихи и канонъ внятно и отчетливо читались священникомъ. Въ концѣ пѣнія: *Слава въ вышнихъ Богу...* діаконъ изъ алтаря вынесъ на блюдѣ разрѣшительную молитву и подалъ ее духовнику покойнаго Архипастыря Архимандриту Алексѣю; на томъ же блюдѣ она передана была Преосвященному Саввѣ, а по прочтеніи имъ снова взята духовникомъ и вложена въ руки почившаго Святителя. По окончаніи великаго словословія кафедральный протоіерей Ждановъ, стоя предъ гробомъ Святителя на первой ступени архіерейскаго амвона, произнесъ послѣднюю рѣчь Архипастырю отъ лица Смоленской паствы. Когда заплѣли прощальную пѣснь: *приидите, дадимъ последнее цѣлованіе умершему...*, началось прощаніе съ почившимъ Архипастыремъ. Кромѣ духовенства прощались многіе изъ по-

стороннихъ и у многихъ изъ нихъ были замѣтны слезы, а близко знавшіе Архипастыря плакали навзрыдъ. Закрытые гробовою крышею останки Святителя взяты на руки старѣйшими лицами духовенства и по обнесеніи ихъ, по устланной зеленымъ ельникомъ дорогѣ, вокругъ холоднаго Успенскаго собора перспессы въ архіерейскую усыпальницу, находящуюся въ этомъ величественномъ храмѣ и навсегда скрывшую въ себѣ прахъ новаго и славнаго пастыря Смоленскаго. Прекрасная погода, несчетное множество народа, собравшагося со всего города и стоявшаго съ обнаженными головами, звонъ колоколовъ во всѣхъ городскихъ церквахъ, медленное шествіе духовенства съ останками Святителя и унылое пѣніе хора пѣвчихъ, придавали этой церемоніи необыкновенное зрѣлище, которое до конца жизни сохранится у зрителей!... Покойный Архипастырь положенъ рядомъ съ Пресвященными Смоленскими: Гедеономъ, Пареніемъ и Димитріемъ, портретами коихъ любилъ онъ украшать свои покои и къ древнему духу которыхъ старался приближаться въ своей жизни и дѣятельности!

Пресвященнѣйшій Іоаннъ, въ мѣрѣ Владиміръ Соколовъ, родился въ Москвѣ 1818 года 5 іюля. Отецъ его Сергій Соколовъ былъ священникомъ приходской церкви въ бывшемъ Варсанофіевскомъ монастырѣ и уже давно умеръ. Мать—Анна Петровна жива до сихъ поръ, имѣетъ 87 лѣтъ отъ роду и въ покойномъ Пресвященномъ несетъ утрату другаго сына. Воспитаніе свое Пресвященный Іоаннъ получилъ въ Москвѣ: сначала онъ учился въ Вы-

сокопетровскомъ духовномъ училищѣ, потомъ въ Московской семинаріи и наконецъ Московской академіи, гдѣ окончилъ курсъ однимъ изъ лучшихъ студентовъ и по окончаніи его 1842 г. 29 августа постриженъ въ монашество. Въ честь Іоанна Крестителя—великаго подвижника истины, проповѣдника и мученика за проповѣдь, празднуемаго Церковію 29 августа, онъ названъ Іоанномъ. 30 августа онъ рукоположенъ въ іеродіакона, а 5 октября въ Чудовомъ монастырѣ Высокопреосвященнымъ Митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ посвященъ въ іеромонаха. По окончаніи литургіи, на которой онъ былъ рукоположенъ, говорилъ намъ братъ покойнаго, Митрополитъ Филаретъ, сочувствуя конечно жертвѣ и высокимъ стремленіямъ даровитаго молодого студента, оказалъ ему особую честь: онъ взялъ его въ свою карету, пригласилъ за свою трапезу, а послѣ обѣда подарилъ ему подрясникъ, поясъ и рясу. Родственники покойнаго Архипастыря увѣряли, что подаренный ему Московскимъ Святителемъ поясъ сохраненъ имъ до самой смерти. Какъ одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ Академіи іеромонахъ Іоаннъ былъ опредѣленъ бакалавромъ Академіи по классу нравственнаго Богословія 1842 года (21 сентября). 1843 года (23 декабря) онъ былъ возведенъ на степень магистра, а 1844 года (12 января) возложенъ на него магистерскій крестъ. Но ему не долго пришлось послужить въ родной ему Москвѣ и Академіи. «Тогдашній Оберъ-Прокуроръ Св. Синода, графъ Протасовъ, перемѣщавшій талантливыхъ ученыхъ монаховъ въ столичную духовную Академію, перевелъ іеромонаха Іоанна изъ мо-

сковской Академіи въ С. Петербургскую на классъ каноническаго права: это было 1844 года (28 сентября). (*) «Съ этой поры, говоритъ корреспондентъ Голоса, начинается эпоха его ученой славы». Мы можемъ прибавить: здѣсь же было начало и его практической дѣятельности. Чтобы составить себѣ понятіе о трудовой жизни почившаго Преосвященнаго, поучительно перечислить хотя тѣ дѣла и занятія, которыя внесены въ его оффиціальную бумагу. Такъ 1845 году (5 іюня) онъ былъ опредѣленъ членомъ комитета, учрежденнаго въ С. Петербургѣ, для разсмотрѣнія конспектовъ преподаванія учебныхъ предметовъ въ семинаріяхъ. 1848 г. (8 сентября) возведенъ въ санъ архимандрита. 1849 г. (24 января) опредѣленъ членомъ С. Петербургскаго комитета для цензуры духовныхъ книгъ. 1850 г. (8 іюня) назначенъ для занятій по предмету переводовъ богослужебныхъ книгъ на татарскій языкъ. Въ томъ же году (7 іюня) назначенъ членомъ особаго комитета для разсмотрѣнія программы философскихъ и богословскихъ наукъ для высшихъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія. 1851 г. (8 января) утвержденъ въ должности инспектора академіи. Въ томъ же году (2 апрѣля) Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену св. Анны 2 ст. Съ 23 іюня по 13 августа того же года обозрѣвалъ Архангельскую семинарію съ учителями по всѣмъ частямъ управленія. Того же года (26 сентября) онъ возведенъ былъ въ званіе экстра-ординарнаго профессора, а 1852 г. (26 сентября) сдѣланъ орди-

(*) Вечерн. Газета № 64.

парнымъ профессоромъ академіи. Въ 1853 г. (8 октября) за изданное имъ сочиненіе „Опытъ курса церковнаго законодѣвія“ возведенъ на степень доктора Богословія. 1854 г. (18 апрѣля) Всемилостивѣйше пожалованъ знаками ордена св. Анны 2 степени, Императорскою короною украшенными. Въ 1855 году (16 января) назначенъ ректоромъ и профессоромъ С. Петербургской духовной семинаріи. Въ томъ же году (1 февраля) опредѣленъ членомъ 2-й экспедиціи С. Петербургской духовной консисторіи и помощникомъ главнаго наблюдателя за преподаваніемъ закона Божія, Логики и Психологіи въ Императорскомъ С. Петербургскомъ университетѣ, главномъ педагогическомъ институтѣ и училищѣ правовѣдѣнія. Въ томъ же году (10 мая) назначенъ помощникомъ Синодальному члену, Архіепископу казанскому Григорію, въ исполненіи возложеннаго на него порученія „избрать сочиненія духовно-нравственныя, доступныя для простаго народа и могущія утвердить его въ добрыхъ правилахъ и въ любви къ православію, Государю и порядку.“ Съ 4 іюня по 27 іюля опъ обозрѣвалъ Тверскую семинарію по всѣмъ частямъ управленія. Въ 1857 году (17 марта) назначенъ ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ въ казанскую духовную академію. 17-го апрѣля того же года Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену св. Владиміра 3-й степени, а 22-го іюня опредѣленъ наблюдателемъ за преподаваніемъ закона Божія, Логики и Психологіи въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ, въ 1-й и 2-й гимназіяхъ и въ Родіоновскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. 1859 (октября 28), по слабости здоровья и въ—

слѣдствіе своего прошенія, онъ былъ уволенъ отъ преподаванія Догматическаго Богословія. Въ 1860 году (26 ноября) по представленію Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ Государю Императору сочиненія его „о монашесствѣ Епископовъ“ Всемилостивѣйше награжденъ изъ кабинета Его Величества наперстнымъ крестомъ, драгоценными камнями украшеннымъ, въ знакъ благосклоннаго вниманія Его Императорскаго Величества къ ученой его дѣятельности. Въ 1864 году (31 марта) онъ былъ переведенъ на должность ректора С. Петербургской духовной академіи. Въ томъ же году опредѣленъ главнымъ наблюдателемъ за преподаваніемъ закона Божія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ въ столицѣ и ея окрестностяхъ. Въ 1865 году 12 января назначенъ, а 17 января хиротонисанъ во Епископа Выборгскаго, Викарія С. Петербургской епархіи. 1866 года 9 ноября назначенъ, а 4 декабря прибылъ на Смоленскую кафедру.

Промыслъ Божій не судилъ почившему Архипастырю долговременнаго дѣланія на нивѣ Смоленской паствы: служеніе покойнаго въ Смоленскѣ продолжалось только два года и три съ небольшимъ мѣсяца. Въ теченіе столь короткаго времени покойный Архипастырь не успѣлъ вполне раскрыть своихъ воззрѣній и выяснитъ своихъ началъ, которыми онъ руководился въ своей жизни и дѣятельности: не многіе еще могли понять и оцѣнить его образъ дѣйствій. Тѣмъ не менѣе онъ положилъ прочное начало своего святительнаго служенія, духа и характера котораго нельзя не замѣтить всякому, способному видѣть и понимать добро. Впрочемъ выраженіе своей мысли о

дѣятельности Преосвященнаго Іоанна въ Смоленскѣ мы отлагаемъ до другаго времени: теперь же съ благодарностію выписываемъ общіе отзывы о немъ, которые уже помѣщены въ нѣкоторыхъ газетахъ и которые высказаны о немъ лицами, хорошо знавшими личность, качества и заслуги почившаго Архипастыря. Вотъ что говоритъ о немъ. Корреспондентъ газеты «Голось»: (*).

«Личность этого архипастыря весьма типичная и замѣчательная: имя его извѣстно едва ли не всей Россіи. Покойный преосвященный былъ глубокой богословъ, замѣчательный канонистъ, человекъ, при тонкомъ, діалектическомъ разсудкѣ, способный къ высокому умозерцанію, обладавшій обширнымъ запасомъ самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній и необыкновенно твердою силою воли»... «Кто зналъ Преосвященнаго Іоанна, говоритъ корреспондентъ Биржевыхъ Вѣдомостей, (*) тотъ не можетъ безъ грусти слышать это печальное извѣстіе. Ученому міру Преосвященный Іоаннъ извѣстенъ по многимъ капитальнымъ богословскимъ сочиненіямъ; какъ начальникъ и администраторъ, онъ тоже былъ человекъ замѣчательный. Будучи ректоромъ и профессоромъ С. Петербургской академіи, преосвященный Іоаннъ пользовался общимъ уваженіемъ какъ профессоровъ--сослуживцевъ, такъ и студентовъ. Какъ начальникъ, онъ былъ строгъ, но больше только по внѣшности; въ душѣ же онъ горячо сочувствовалъ и любилъ своихъ подчиненныхъ. Студенты видѣли въ немъ и лучша-

(*) См. № 79.

(*) См. № 72.

го начальника, и лучшаго своего защитника. Прямота характера, обыкновенно не всеми долюбиваемаго, ставила его въ разрядъ лучшихъ дѣятелей и честныхъ людей. Это былъ человѣкъ высокаго ума и непреклонной воли. Много приходилось ему испытать невзгодъ въ жизни, но характеръ его не сломился; сломилось только его здоровье, которое, какъ уже давно казалось, не обѣщало долголѣтія. Лекціи, читанныя имъ въ здѣшней академіи, сохраняются студентами, какъ сокровище. Его проповѣди должны быть отнесены къ разряду проповѣдей нашихъ лучшихъ ораторовъ. Въ 1867 г. онъ распростился съ академическою службою (гдѣ въ тоже время былъ епископомъ Выборгскимъ) и по волѣ начальства опредѣленъ епископомъ Смоленскимъ. На новомъ поприщѣ ему представились новыя труды и невзгоды. Его свѣтлый умъ нашелъ на епархіи многое, что требовало реформъ и измѣненій; онъ принялся за это дѣло, но не безъ противодѣйствій... Немного, конечно, сдѣлалъ онъ здѣсь, но не долго суждено было ему и дѣйствовать. Скоронастижная смерть остановила его дальнѣйшіе труды и почеснія о Смоленской Епархіи. Лучшие люди ея, думая, не безъ грусти и сожалѣнія простятся на вѣки съ почившимъ своимъ архипастыремъ.»

«Уроженецъ Москвы, говорится въ Вечерней газетѣ, (*) покойный Преосвященный былъ истинно русскій человѣкъ въ самомъ высокомъ значеніи этого слова. Это была «крупная» русская личность, прямая, безхитросная, не

(*) См. Бир. № 64. 78.

обезсиленная и необезличенная западно — европейскою напускною мягкостью и податливостью, съ глубокимъ умомъ и съ сильнымъ характеромъ, напоминающими патріарха Никола. Логическая сторона ума была развита въ немъ въ необыкновенной степени, и предъ его діалектикою, устною и письменною, падали прахомъ намѣренныя софисмы и безсознательныя неистинности и неувѣрности въ положеніяхъ и заключеніяхъ. Безъ усилій, какъ бы шутя, разбивалъ онъ положенія своихъ противниковъ; но за то противники его, когда они удостоивались его критическихъ разборовъ, никогда не рѣшались возражать ему, болѣе новыхъ тягчайшихъ пораженій. Это былъ умъ самобытный, оригинальный, блестящій, предъ которымъ оказывались безсильными и безцѣльными умы «ридовы», хотя бы и много-сторонне образованные. Еще оригинальнѣе, чѣмъ умъ, былъ характеръ Пресвященнаго Іоанна, твердый, рѣшительный, отъ природы «владычній», прямой безъ наклонности, даже безъ способности поддаиваться къ лицамъ и уступать обстоятельствамъ; но съ людьми и обстоятельствами не такъ легко ладить, какъ легко было ему вѣдаться съ людскими вольными и невольными софисмами... Борьба сильнаго характера съ обстоятельствами представляетъ высокое зрѣлище, торжество послѣднихъ возбуждаетъ глубокую скорбь даже въ стороннихъ наблюдателяхъ: досадно бываетъ при видѣ изнеможенія высокой и сильной личности въ ея борьбѣ, хотя бы эта борьба велась съ такимъ неотступнымъ врагомъ, какъ болѣзнь, или съ такимъ крѣпкимъ и неопобдимымъ, какъ смерть. Въ чи-

слѣ многихъ другихъ обстоятельствъ, покойный преосвященный издавна боролся съ болѣзнями; онъ неустанно боролся съ ними умеренностью и воздержностью, самыми постоянными и самыми разумными, пока не подоспѣлъ на помощь болѣзнямъ *послѣдній врагъ* смерть, положившій ковецъ многосложной его борьбѣ. . . .

Наружность и внутренніе приемы покойнаго архипастыря носили на себѣ всѣ признаки его глубокаго ума и сильнаго характера и ясные слѣды его постоянной борьбы съ обстоятельствами и болѣзнями. Высокій, открытый лобъ, стиснутыя губы, провидательный взглядъ, блѣдно-желтое истомленное лицо, рѣзкія и глубокія морщины на щекахъ, нервно-раздражительная, всегда отрывистая, лаконическая рѣчь, голосъ не громкій, но твердый и повелительный, и въ веселомъ состояніи прямодушная, хотя и грустная улыбка, говорившая въ одно и то же время и о силѣ, и объ утомленіи силы: вотъ внѣшній портретъ покойнаго архипастыря. Такія фیزیономіи стоитъ увидѣть разъ, чтобы онѣ не забылись никогда; такія лица отдѣлать могутъ поперемѣнно и у разныхъ людей дѣлаться предметомъ злословія, укоризны, зависти, уваженія, восторга, но никогда—равнодушія.

Преосвященный Іоаннъ былъ малаго роста, но принадлежалъ къ разряду тѣхъ «крупныхъ» русскихъ людей, къ которому принадлежали патріархъ Никонъ, Иннокентій херсонскій, Хомяковъ, которыхъ имена всегда будутъ ставиться знаменіями *пререкаемыми*. Какъ проповѣдникъ, онъ по оригинальности, глубинѣ и въ тоже время пожи-

поисности своихъ словъ и бесѣдъ не имѣлъ равнаго себѣ между современными русскими духовными ораторами и можетъ быть поставленъ рядомъ съ покойнымъ Иннокентіемъ; его, напимѣръ, слово по поводу освобожденія крестьянъ неподражаемое совершенство. Какъ православный богословъ, онъ походилъ на Хомякова своею глубиною вникавша въ сущность христіанства и въ основныя начала православія и своимъ презрѣніемъ къ схоластическимъ приѣмамъ доказывавша истинны христіанства и жизненности и высоты православія. Его лекціи по догматическому православному богословію производили въ студентахъ здѣшней духовной академіи высокій восторгъ, и каждая на вѣсколько дней становилась предметомъ оживленныхъ разсужденій. Какъ русскій ученый канонистъ, онъ своею внезапною смертію нанесъ Россіи долго невознаградимую потерю. . .

«Половину своей службы Преосвященншій Іоаннъ посвятилъ С.Петербургскій духовной академіи въ званіи ея бакалавра, потомъ профессора, инспектора и, наконецъ, ректора. Время служенія его при здѣшней академіи было наиболѣе счастливымъ временемъ его жизни. Съ самой молодости, исполнѣ чуждаясь мірскихъ интересовъ, онъ всецѣло отдался наукѣ, и своими умными лекціями поглощалъ вниманіе всѣхъ студентовъ—своихъ слушателей. Здѣсь онъ, можно сказать, создалъ науку церковнаго православно—рускаго Законовѣдѣнія и за первый томъ «Опыта курса церковнаго Законовѣдѣнія» получилъ степень доктора богословія. Сочиненіе это состоитъ изъ двухъ обширныхъ томовъ, которые оба вмѣстѣ заключа-

ють въ себѣ около семидесяти шеста печатныхъ листовъ, и исещерны учеными примѣчаніями и цитатами первоисточниковъ на древнемъ греческомъ и латинскомъ языкахъ. Трудъ этотъ въ нашей духовной литературѣ и поныѣ составляетъ почти единственное капитальное пособіе по каноническому праву и совершенно справедливо приобрьлъ автору его почетную степень доктора богословія. Въ періодъ служенія своего въ казанской академіи, онъ съ новою славой заявилъ себя и какъ даровитый духовный писатель и какъ талантиливый проповѣдникъ. Около начала пятидесятихъ годовъ у насъ, какъ извѣстно, модными вопросами были преимущественно два: вопросъ о крѣпостномъ сословіи и вопросъ о духовенствѣ. Покойный преосвященный, будучи тогда архимандритомъ и редакторомъ «православнаго собесѣдника», принялся со всею энергіею за разработку означенныхъ вопросовъ. Изъ подъ его бойкаго пера вышелъ тогда цѣлый рядъ замѣчательныхъ статей, въ родѣ такой напримѣръ какъ «общество и духовенство» (съ девизомъ «Время молчать и время глаголати»), помѣщенное въ 1 т. Православнаго Собесѣдника за 1859 годъ. Однѣ изъ его статей имѣли самый живой современный интересъ, другія — строго-научный характеръ, особенно статьи по каноническому праву. При пособіи талантливыхъ сотрудниковъ, покойному удалось такъ высоко поставить редижируемый имъ журналъ, что онъ имѣлъ успѣхъ несравненно болышій, чѣмъ всѣ другіе духовные журналы и доставлялъ постояннымъ содрудникамъ по 100 руб. за печатанный листъ — плата неслыханная и баснословная для сотрудниковъ прочихъ

духовныхъ журналовъ. Ученая дѣятельность покойнаго, въ бытность его въ Казани, не ограничивалась, впрочемъ, одною только журналистикою. Въ 1860 году покойный издалъ цѣлое сочиненіе «О монашествѣ епископовъ». Въ 1864 году преосвященный Іоаннъ перемѣщенъ на должность ректора санктпетербургской духовной академіи, и, впродолженіи всей службы своей здѣсь, печаталъ свои ученые статьи въ редактировавшемся имъ журналѣ «Христіанское Чтеніе», издающемся при здѣшней духовной академіи. Изъ этихъ статей особеннаго вниманія заслуживаютъ статьи его «о свободѣ совѣсти», печатавшіяся въ нѣсколькихъ №№ Христіанскаго Чтенія. Послѣднія лекціи его въ Академіи, особенно занимали вниманіе студентовъ тѣмъ, что всегда вызывали въ ихъ умѣ много важныхъ вопросовъ, заставляли ихъ задумываться и отличались характеромъ оригинальности. (*)

«Одинъ за другимъ сходятъ съ жизненнаго пути высокіе дѣятели науки и жизни, говоритъ корреспондентъ *Гиржевыхъ Вѣдомостей*, очищая свои мѣста молодому поколѣнію. Что дальше будетъ? Замѣнять ли новые труженики прежнихъ?...

(*) См. Вечерн. Газет. № 60.

Р Ѣ Ч Ъ,

произнесенная 19-го марта 1869 года, предъ выносомъ тѣла въ Бозѣ почившаго Преосвященнѣйшаго Іоанна, Епископа Смоленскаго и Дорогобужскаго, изъ архіерейскаго дома въ катедральный Богоявленскій Соборъ.

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.—

Время сотворити Господеви!—Преосвященнѣйшій Владыко, благослови!—

Увы! Мы всё еще какъ къ живому относимся къ Тебѣ, Владыко святой, хотя уже не на литургію божественную испрашиваемъ теперь благословенія Твоего, а на печальное шествіе, — на выносъ тѣла Твоего изъ сего святительскаго дома во святыи храмъ Божій.— И къ кому же болѣе относиться? Кто изъ среды насъ, въ присутствіи Твоемъ, можетъ дать благословеніе на священнодѣйствіе, прямо относящееся къ святительскому Твоему лицу?

Итакъ, съ болѣзнію сердца и со слезами обращаемся къ Тебѣ, Отецъ нашъ, какъ бы еще возсѣдающему на архіерейской катедрѣ, и приносимъ предъ выносомъ тѣла Твоего тѣ самыя слова, кои, по чину церковному, каждый разъ говорили Тебѣ предъ началомъ литургіи. Время сотворити Господеви! Преосвященнѣйшій Владыко, благослови!

Да! Время намъ, чадамъ Твоимъ о Господѣ, исполнить долгъ свой, — печальный, тяжелый, но непремѣнный и свя-

щенный долгъ.—Вотъ уже третій день, какъ душа Твоя оставила сіе немощное тѣло. Время же намъ взять бездыханное тѣло Твое; положить его въ этомъ новомъ гробѣ; изнести изъ сего временнаго Твоего жилища въ любимый Тобою кафедральный Богоявленскій Соборъ; поставить его тамъ предъ Господомъ и чудотворнымъ ликомъ Смоленскія Владычицы—Одигитріа, для того, чтобы оттолѣ, послѣ священныхъ погребальныхъ молитвъ и пѣснопѣній, проводить его въ другой кафедральный—успенскій храмъ, на мѣсто вѣчнаго упокоенія съ почивающими тамъ предмѣстниками Твоими, приспомятными Архипастырями Смоленскими.

Такъ, дѣйствительно настало для насъ это невыразимо—скорбное время. Приспѣли поистинѣ плачевные дни совершать надгробное пѣніе у святительскаго Твоего тѣла, отдавать ему послѣднее въ этомъ мірѣ цѣлованіе, чтобы затѣмъ, по глаголу Господню, возвратить его землѣ, отъ которой и взято оно.—Время сотворити Господеви!—

Но Ты самъ благослови, Преосвященнѣйшій Владыко!—Просимъ и молимъ Тебя: — Ты самъ благослови насъ и начать, и совершить сіе дѣло. Ибо оно такъ велико, такъ неожиданно для насъ, такъ поразительно для всѣхъ, что мы, безъ особаго Твоего святительскаго благословенія, и приступить къ нему не дерзаемъ.

Знаемъ, Архипастырь нашъ, что необычайно для Тебя сіе прошеніе наше. Знаемъ, что просимъ у Тебя благословенія, равно необычайнаго и для всѣхъ. Но что же намъ дѣлать?—Все, что мы теперь предъ собою и вокругъ себя видимъ, до того смущаетъ и поражаетъ насъ, что мы, въ семъ глубокомъ смущеніи духа и въ сей тяжкой скорби сердца, невольно къ Тебѣ же обращаемъ и очи, и сердца наши,—

Скажи памѣ, Отецъ нашъ, что значить все здѣсь видимое нами?—Обыкновенно Ты приходишь изъ сихъ келій въ Соборный храмъ Смоленскій, даже въ великіе праздники и въ высокаторжественные дни, для священнослуженія своего въ немъ, очень просто, — безъ всякой особенной торжественности, — въ сопровожденіи только двухъ ѱподіаконовъ. Нынѣ же допустилъ придти къ Тебѣ сюда и сопровождать Тебя отсюда не только всему сонму здѣшнихъ градскихъ священнослужителей, но и необъятному множеству лицъ всякаго званія и возраста, — съ возжепными у всѣхъ свѣщами, — при громогласномъ пѣніи священныхъ пѣсней, — при потрясающемъ звукѣ всѣхъ колоколовъ, во всѣхъ церквахъ Смоленска. — Какъ смотрѣть на все это? —

Ахъ! Не здѣсь ли надобно искать намъ объясненія и разъясненія всему тому, что слышалъ и видѣлъ Ты, или лучше, что Самъ Господь открылъ Тебѣ, незадолго предъ Твоею кончицей? — Пынѣшій церковный звонъ не есть ли тотъ самый благовѣстъ, который, за нѣсколько времени предъ симъ, такъ внезапно и вмѣстѣ такъ явственно слышался Тебѣ здѣсь? — Пынѣшнее надгробное рыданіе и священное пѣснопѣіе не есть ли то таинственное пѣвіе, которому Ты, въ то время и въ этомъ же домѣ, внималъ съ такимъ удивленіемъ и трепетомъ? — Настоящее собраніе и это непрерывное движеніе гражданъ вокругъ Твоего гроба не есть ли то самое собраніе и движеніе, которое на этомъ самомъ мѣстѣ Ты тогда замѣтилъ?... (*)

(*) *Примѣчаніе.* Обстоятельства, упомянутыя здѣсь въ виду, взяты со словъ бывшаго смоленскаго градскаго Головы, купца Василія Степановича Текоцкаго, пользовавшагося особенною близостию и доверенностію покойнаго Преосвященнѣйшаго Іоанна .Т. Текоцкаго.

О, сколь же дивны, непостижимы и, въ то же время, неизречено — милосерды всѣ судьбы Господни и въ жизни, и въ смерти Твоей! — Да будетъ, убо, благословенъ Богъ, предъ указавшій Тебѣ кончину Твою! Буди благословенъ отъ Господа и Ты, богомудрый Святитель нашъ, возможшій не только принять благоговѣнно, но и уразумѣть вѣрно столь прикровенное предвозвѣщеніе Господне, слагая оное свосвременно и соблюдая предусмотрительно въ сердцѣ своемъ!

передавалъ сначала приходскому своему священнику, а потомъ, въ день кончины Преосвященнаго, объявилъ въ домѣ Его и членамъ консисторіи, съ клятвою предъ святыми иконами и со слезами, что когда онъ (Текоцкій) пришелъ къ Преосвященнѣйшему Іоанну, въ пятницу на сырной недѣлѣ нынѣшняго 1869 года, то самъ Архiepистырь немедленно разсказалъ ему о томъ странномъ событіи, которое случилось съ нимъ, — (неизвѣстно только, въ тотъ ли самый день (въ пятницу), или въ другой какой, впрочемъ въ недавнее время, и притомъ не во снѣ, а на яву, тотчасъ по пробужденіи отъ сна), — и которое очевъ смутило Его — святителя. Главныя части сего событія, по клятвенному свидѣтельствуванію г. Текоцкаго, суть слѣдующія. Преосвященнѣйшій Іоаннъ, утромъ, пробудившись отъ сна и вставши съ своей постели, вдругъ слышалъ звонъ или благовѣстъ въ большой соборный колоколъ, хотя случалъ къ такому звону, по сознанію самаго же Владыки, и дѣйствительнаго звона въ соборѣ въ то время во все не было. Потомъ, войдя въ другую комнату, Святитель слышалъ какое-то необыкновенное пѣніе въ главной своей пріемной, а наконецъ, приблизившись къ замкнутымъ дверямъ ея, ощутилъ и общее движеніе въ ней многочисленнаго народа. По сему случаю, онъ тотчасъ позвалъ къ себѣ своего прислужника, дѣлалъ ему вопросы, но ничего не могъ отъ него услышать, а толь-

Вѣруемъ, что оно не тщетно было для души Твоей, но принесло ей обильный плодъ во спасеніе. Вѣруемъ, что предъ-
уготованная откровеніемъ Господнимъ и предъочищенная тай-
ною Вечерію Христовою душа Твоя во благихъ водворится, и
что, послѣ многолѣтнихъ, многообразныхъ и многоцѣнныхъ
трудовъ Твоихъ на пользу Церкви и духовнаго юношества, а
также послѣ многихъ—тяжкихъ скорбей и болѣзней Твоихъ
въ жизни сей, уготовить Тебѣ праведный Господь мѣсто бла-
женнаго упокоенія со святыми своими.—Вѣруемъ, а потому,
и со слезами сыновней о Тебѣ скорби, и съ христіанскою
преданностію святой волѣ промышляющаго о спасеніи всѣхъ
насъ Отца нашего Небеснаго, дерзаемъ, по благословенію
Твоему, взять облаченное въ святительскія одежды тѣло Твое,
положить его во гробъ и нести сей гробъ на раменахъ сво-
ихъ ко храму Господню.—

Вниди убо,—Архипастырь и Отецъ нашъ,—вниди и Ты
съ нами въ домъ Бога живаго. Поклонися духомъ еще единою
ко храму святому,—къ сему любимому Тобою храму, въ ко-
емъ Ты и священнодѣйствовалъ предъ нами, и училъ насъ.
Прииди съ миромъ въ этотъ чертогъ Спасовъ украшенный:
тамъ уже ожидаетъ Тебя премилосердая Матерь Божія—Оди-
гитрія, Твоя всегдашняя Покровительница и усердная Заступ-

ко тогда узналъ о внезапной и совершенной своей глухотѣ.—Самъ
покойный Архипастырь, давно уже чувствовавшій крайнее разстрой-
ство своего здоровья и пользовавшійся медицинскими пособіями къ
возстановленію его, во всемъ видѣнномъ и слышанномъ имъ въ это
замѣчательное утро признавалъ съ твердою вѣрою и съ полною
христіанскою преданностію волѣ Божіей явное—милосердное указаніе
Господне на близкую свою кончину.

ница. И да возрадуется паки душа Твоя о Господѣ подѣ
этою священною сѣпію, гдѣ благодатно присутствуетъ и упо-
ваніе Твое—Отецъ, и прибѣжище Твое—Сынъ, и покровъ
Твой—Духъ святыи!—

А мы,—духовныя чада Твоя,—уже не станемъ долго удерживать Тебя здѣсь, или вопрошать: «намо идиши».—Знаемъ, Владыко святыи, что Ты, вслѣдъ за Пастыреначальникомъ своимъ и во имя Его, идешь ко Отцу своему и Отцу нашему, и Богу своему и Богу нашему, съ тѣмъ, чтобы дать Ему отчетъ о душахъ нашихъ.

Гряди, Отецъ нашъ!—Но отходя отъ насъ тѣломъ, не совсемъ разлучайся съ нами духомъ Твоимъ,—духомъ премудрости и разума. Назирай и оттолѣ чадъ своихъ,—своихъ словесныхъ овецъ, кои, какъ извѣстно Тебѣ, и всегда съ великимъ вниманіемъ слушали гласа Твоего, а нынѣ,—во всѣ эти печальныя дни прощанія съ Тобою,—такъ усердно окружаютъ гробъ Твой, такъ умиленно цѣлуютъ самыя одежды Твоя, такъ горячо и слезно молятся о Тебѣ, что, кажется, готовы были бы, если бы это возможно было, отдать Тебѣ и души свои.

Нѣтъ,—не оставляй насъ, Святитель Христовъ: но да будетъ отнынѣ и до вѣка и святительское благословеніе Твое на всѣхъ насъ, и святая молитва Твоя предъ Богомъ за всѣхъ насъ!

Каедральный Протоіерей *Павелъ Ждановъ*.

ПРИ ГРОБѢ ПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ІОАННА,
ЕПИСКОПА СМОЛЕНСКАГО и ДОРОГОВУЖСКАГО. (1).

Помните ли, братія, какъ въ одной изъ поучительныхъ бесѣдъ, не очень давно связанныхъ съ этого священнаго мѣста, почившій Архипастыръ сравнивалъ жизнь человѣческую съ искусною тканью, изъ которой земному зрителю видна только поверхность, а мысль этой ткани и концы нитей, изъ которыхъ она составляется, находятся въ рукѣ небеснаго Художника? (*) Съ болью въ душѣ можно видѣть нынѣ, откуда вышла эта изящная и глубоко обдуманная картина, и какъ вѣрна ея истинность? — Она родилась изъ долговременныхъ и зрѣлыхъ размышленій почившаго Архипастыря о дѣлахъ Божіихъ въ судьбахъ міра и жизни каждаго человѣка, а вѣрность ея, по волѣ Божіей, подтверждена примѣромъ его собственной жизни. Очевидно, что Божественная ткань въ мірѣ, по прежнему, продолжается; но дальнѣйшее значеніе одной изъ крупныхъ и дорогихъ жизненныхъ нитей внезапно для всѣхъ насъ прекращено (**) и конецъ ея взять ближе къ рукѣ небеснаго Ху-

(1) Произнесено на литургіи 19 марта, въ день выноса останковъ Святителя изъ покоевъ архіерейскаго дома въ Смоленскій Богоявленскій соборъ.

(*) Эта мысль была выражена Архипастыремъ въ превосходномъ словѣ, которое онъ произнесъ въ день новаго 1869 года.

(**) Кончина Преосвященнаго послѣдовала неожиданно для всѣхъ.

дожника!.. Напрасно мы стали бы выражать желаніе узнать смысл и цѣль этой крушнѣй и дорогой нити въ общей ткани человѣческой жизни; всему есть свои предѣлы, за которые выходить бесполезно: предѣ вышнимъ Умомъ, въ которомъ сокрыты всѣ для насъ таинственные пути жизни, слѣдуетъ преклониться въ безмолвномъ и глубокомъ благоговѣніи!

Взамѣнъ этого знанія, у насъ есть для жизни человѣческой одна общая оцѣнка, по которой можно составить себѣ понятіе о степени величія каждой личной жизни. Въ чемъ вы полагаете сущность и достоинство жизни каждаго живущаго человѣка?—Когда задумываются надъ цѣлями жизни и желаютъ опредѣлить ея смыслъ; то придумываютъ различные всѣ и мѣру: обыкновенно се вѣсятъ на вѣсахъ научныхъ, добродѣтелей семейныхъ, дѣятельности общественной и подвигѣ жизни гражданской. Всѣ, построенныя на этихъ основахъ, роды жизни, конечно, имѣютъ свой смыслъ и свою цѣну, и достоинство ихъ будетъ взышено нѣкогда на безстрастныхъ вѣсахъ Божественнаго правосудія. Но всѣ эти жизни блѣднѣютъ, совершенно меркнутъ предѣ тѣмъ божественнымъ образцомъ, который одинъ только даетъ духъ и смыслъ всякой жизни и который даетъ намъ въ лицѣ Богочеловѣка: мы разумѣемъ жертву Иисуса Христа,—жертву, которая побудила Его скрыть свою вѣчную божественную славу, принять на Себя наше бѣдное челоѣчество, пройти всѣ степени нашей жизни, дать людямъ истину, за ихъ пороки и беззаконія заплатить своею кровію и даровать имъ вѣчную жизнь вмѣсто вѣчной смерти. Вотъ идеаль челоѣческой жизни! Какъ видите, эта жизнь не ограничивается кругомъ личныхъ интересовъ, предѣлами семьи и рода, обществомъ и государствомъ; это—жертва за весь родъ челоѣ-

вѣческій, жертва всецѣлая, простирающаяся до истощанія послѣдней капли крови. Вотъ мѣра, которою должно измѣряться достоинство всякой личной жизни и безъ присутствія которой всякая жизнь пройдетъ безслѣдно и не будетъ имѣть смысла и цѣли. Правда, этотъ образецъ недосягаемъ, какъ неисполнимы вполнѣ требованія закона; но спѣ одинъ дастъ духъ нашей жизни: безъ жизненнаго креста и жертвы, безъ креста въ душѣ, невозможна жизнь, возможны только смерть и ничтожество.

Что находимъ мы въ жизни усопшаго Архипастыря?—Нашлось бы немало достоинствъ, если бы эту жизнь вздумали взвѣшивать и на вѣсахъ суда человѣческаго: сокровище своего знанія онъ передалъ поколѣнiямъ, а обществу давалъ свою честную, трудовую жизнь; по—въ его жизни мы находимъ много сторонъ, напоминающихъ ту жертву, которая принесена была за мiръ Искупителемъ, о которой съ такимъ чувствомъ и силою Онъ любилъ говорить и словомъ о которой какъ бы запечатлѣлись навсегда его сомкнувшіяся уста. (*) Кто хотя немного знакомъ съ его жизнью, тотъ не могъ не замѣтить, что вся она отъ начала до конца составляетъ *подвигъ* на благо церкви и отечеству,—подвигъ разумный, мужественный, терпѣливый, неподкупный, внутреннiй, самоуглубленный, молчаливый, непреклонный, непоколебимый!

Мощный духъ почившаго Архипастыря созрѣлъ и окрѣпъ очень рано. Во время почти юношескихъ лѣтъ, когда обыкновенно человѣку въ недалекомъ будущемъ улыбаются жизнь и сча-

(*) Въ теченiе двухъ лѣтъ покойный Архипастырь сказалъ *десять* бесѣдъ о страданiяхъ Иисуса Христа въ *девѣ* страстныхъ недѣли. Изъ нихъ шесть бесѣдъ онъ передалъ редакцiи епархiальныхъ вѣдомостей за нѣсколько дней до своей кончины.

стіе, радости и удовольствія и невольно влекутъ его къ собѣ, когда большая часть юношей на встрѣчу этимъ радостямъ несутся со всѣмъ жаромъ юношеской души и вавъбы летѣть на крыльяхъ; Почившій взвѣшиваетъ два міра: земной и небесный, видимый и духовный, даетъ имъ вѣрную, строгую оцѣнку, отрывается навсегда отъ перваго—обыкновеннаго и беретъ собѣ въ удѣлъ другой—скорбный, скучный, уединенный и тяжелый. Въ примѣрахъ отреченія отъ міра, конечно, нѣтъ недостатка, и съ этой стороны его жизнь, по видимому, не составляетъ исключенія; но не поражала ли васъ эта глубокая и точная вѣрность возвышеннымъ юношескимъ порывамъ? Не замѣчали ли вы этого неизмѣннаго постоянства въ соблюденіи возвышенныхъ обѣтовъ, этого твердаго и неулынадопреслѣдованія своихъ духовныхъ цѣлей, этого подвига, фанатическаго, крушамаго обманомъ и ободъщеніемъ жизни, неразвлекаемаго посторонними случайностями и цѣло сохраняемаго имъ до послѣдняго вздыханія? Уединеніе, самоуглубленіе, преданность волѣ Божіей, дѣло, трудъ и безмолвіе,—вотъ чему отдача была вся жизнь почившаго Архипастыря! Иногда для многихъ изъ насъ такая жизнь казалась непонятною и необъяснимою; для него же напротивъ все, по нашему мнѣнію важное, необходимое или неизлишнее, почти не существовало, и если онъ принималъ въ этомъ участіе, то не столько по желанію и расположенности, сколько по необходимости.

Христіанское начало, положенное въ основу жизни, не остается мертвымъ и безжизненнымъ, не ограничивается одною личностію, по раскрывается подобно доброму сѣмени, животворно проникаетъ всѣ стороны человѣческой жизни и сообщаетъ имъ нравственно-человѣческій характеръ. Все это опытно подтверждено въ жизни почившаго Архипастыря. Евангельскіе обѣты, отлучая

отъ міра и возводя духъ къ высшимъ потребностямъ, въ то же время даютъ свободу, открываютъ полный просторъ различнымъ увлеченіямъ и соблазнамъ, съ которыми иногда бываетъ очень трудно справиться и жертвою которыхъ дѣлаются иногда крѣпкіе люди. Въ жизни почившаго Архипастыря эта задача в уединенной жизни разрѣшена была самымъ плодотворнымъ образомъ. Въ разныхъ мѣстахъ папсей отечественной церкви Промыслу Божию угодно было ставить его *горящими свѣтильниками*, и при томъ такимъ свѣтильникомъ, отъ котораго должны были возжигаться новые свѣточы для распространенія лучей истины Христовой во всѣ концы нашего отечества. Почившій Архипастырь все время, всѣ свои силы, все свой трудъ, втеченіе десятковъ лѣтъ, отдаетъ науцѣ, чтобы быть достойнымъ имени свѣтильнича Христова: этой любви къ науцѣ онъ не оставляетъ и до конца жизни. Преданный высшимъ нравственнымъ требованіямъ, онъ посвятилъ свою жизнь науцѣ христіанской, изученію истины христіанской вѣры и церкви. И кто могъ не замѣчать въ немъ того глубокаго разумѣнія духа Евангельскаго, того основательнаго знанія законовъ и жизни церкви, ея будущеи прошедшей и настоящей, которымъ проникнуто было каждое его слово? Но, кромѣ этого, какими знаніями не обладалъ почившій и изъ тѣхъ, которыя прямо не относятся къ духовному дѣятелю, а только соприкасаются съ его полемъ? Кто лучше его зналъ всю ту безвѣдную философію, преданія человѣческія, мудрость міра и вѣтры разныхъ ученій, которыхъ всегда такъ много въ мірѣ и которыхъ волею или неволею соприкасаются съ вѣчными истинами? Была ли область предметовъ, недоступныхъ для его пониманія? Были ли знанія, ему во все чуждыя и неизвѣстныя? Кто не замѣчалъ той высоты, широты и глубины знаній, до кото-

той достигъ въ жизни усопшій Архипастырь? Богатствомъ вѣдѣній, цѣловольно поражаались всѣ, кому только приходилось слушать его рѣчь въ частномъ разговорѣ, письмѣ или въ могучемъ словѣ церковной кафедрѣ, глубина его рѣчи ипогта требовала значительной подготовки, чтобы она могла быть усвоена другими и сдѣлалась ихъ собственностію. Съ этой стороны онъ подобенъ былъ опытному кормчему, который испыталъ всѣ бури и непогоды, не боится никакихъ волнъ, не страшится никакихъ опасностей, способенъ руководить всѣхъ неопытныхъ и указать имъ безопасный путь, дознанный имъ трудомъ и долговременнымъ опытомъ.

Въ послѣдніе годы зрѣлой жизни Промыслъ Божій вызвалъ Почившаго на болѣе широкую и видную дѣятельность: поприщемъ этого кратковременнаго дѣланія служила наша мѣстность. Не много пришлось ему потрудиться на этомъ полѣ; но если вникнуть въ мысль и духъ его дѣланія легко можно видѣть, какимъ характеромъ и какимъ духомъ запечатлѣна его дѣятельность. При началѣ своего служенія, опредѣляя цѣль своего дѣланія, онъ говорилъ, что паства находится во внутреннемъ, неразрывномъ духовномъ союзѣ съ пастыремъ, что въ совокупности они составляютъ великую нравственную силу, для которой не страшны никакія нападенія вражескія. Не свои взгляды, не свои мысли преслѣдовалъ онъ въ идеалѣ Пастыря; примѣромъ и образцомъ для себя онъ избиралъ древнихъ Пастырей церкви—Василія великаго, Григорія и Златоустаго. Съ какою любовью и сколько разъ, среди своихъ одушевленныхъ бесѣдъ о современныхъ, религіозныхъ нуждахъ, онъ обращался къ нимъ и какъ бы вызвалъ ихъ на новую обширную дѣятельность? Не то же ли стремленіе къ подражанію первымъ Пастырямъ мы замѣчали въ его личной, домашней жизни и во

всѣхъ житейскихъ отношенійхъ? Онъ не умѣлъ поражать другихъ величіемъ своего сана, высотой положенія, блескомъ учности и вѣншей обстановки: онъ любилъ въ одномъ духѣ обращаться со всѣми—высшими и низшими, любилъ входить въ духъ и характеръ каждаго, присматриваться ко всѣмъ явленіямъ дѣйствительной жизни, изучать ее, всюду вносить свѣтъ христіанскѣй истины и направлять жизнь по мысли Евангельской. Что составляло сущность его новаго служенія? Дѣло, мысль, трудъ и подвигъ до послѣднихъ минутъ жизни: отъ этого подвига не удерживали его ни вѣншія препятствія, ни физическія болѣзни! Подобно древнимъ пастырямъ, онъ постоянно стоялъ на стражѣ церкви: для него истина была дороже всего, онъ зорко слѣдилъ за всѣми явленіями умственной и практической жизни и возвышалъ свой мощный голосъ всюду, гдѣ только этого требовали благо церкви и польза общества. Обладая обильнымъ запасомъ знаній, онъ глубоко умѣлъ подмѣтить слѣды и признаки лжи на всѣхъ путяхъ жизни, собиралъ ихъ вмѣстѣ и все это представлялъ въ истинномъ видѣ. Вспомнимъ его бесѣды, въ которыхъ онъ особенно раскрывалъ, что жертва, принесенная Искупителемъ міра, прислана за всѣ времена и поколѣнія; что она болѣе относится къ нашимъ цивилизованнымъ временамъ, нежели ко временамъ прежняго невѣдѣнія; припомнимъ его бесѣды, направленные противъ современнаго невѣрія, господствующаго за предѣлами нашего отечества, но прокрадывающагося въ нашу науку и жизнь, увлекающаго молодое поколѣніе и по временамъ уже приносящаго свой печальный плодъ,—эти бесѣды, въ которыхъ выражались его боязнь и опасеніе за будущія судьбы церкви, но вмѣстѣ съ тѣмъ предрекалось и торжество истины,—эти бесѣды, въ которыхъ слышались не ученые слова, а глубоко обдуманная и глубоко прочувствован-

ныя истины. Вспомнимъ его бесѣды, въ которыхъ онъ такъ сильно и неотразимо выражалъ историческую, неразрывную связь нашего отечества съ православіемъ, и въ этой связи про- зиралъ будущія судьбы его и указывалъ на опасности, кото- рые всегда приносятъ съ собою безвѣріе и бездушіе въ рели- гіи. Вспомнимъ его слово о тѣхъ преобразованіяхъ, которыя переживаются нашимъ временемъ, и о томъ духѣ, которымъ, по его взгляду, они должны быть пронянуты, чтобы принести истинное благо народу. Мы не найдемъ ни одного вопроса, занимающаго умы въ настоящее время, о которомъ онъ не подалъ бы своего сильнаго, жизненнаго и зрѣлаго слова.

Хотите ли знать его отношенія къ той средѣ, въ которой онъ находился въ болѣе тѣсной связи и которая для многихъ изъ васъ почти неизвѣстна: мы разумѣемъ кругъ служителей церкви? Духъ этихъ отношеній одинъ и тотъ же: онъ требо- валъ разумѣнія, сознанія долга, труда и дѣла и строго смот- рѣлъ на всѣ опущенія. Не признавая своєю обязанностию вмѣ- шиваться въ домашнія дѣла этой среды, онъ заботился о су- ществѣ дѣла: онъ требовалъ, чтобы духовные пастыри не у- крашались только именемъ пастырей, а отвѣчали своему при- званію, чтобы они не ограничивались совершеніемъ христіан- скаго богослуженія и исполненіемъ законныхъ требъ, а по- средствомъ живаго слова проводили въ народную жизнь хри- стіанскую истину, были дѣйствительными руководителями въ духовной жизни и живыми орудіями церкви Христовой. Онъ требовалъ, чтобы за дѣло пастырства брались лица не по привычкѣ, наслѣдству и происхожденію, но люди, понимающіе важность и обязанности этого служенія и чувствующіе высоту призванія; онъ стремился, чтобы заведенія, воспитывающія служителей церкви, не отзывались характеромъ одного только

Богоугоднаго дѣла, не всегда разборчиваго въ употребленіи своихъ средствъ и слишкомъ снисходительнаго къ недостаткамъ ближнихъ, а были разсадникомъ живыхъ силъ, полезныхъ дѣятелей церкви и добрыхъ членовъ общества. Не безъ жертвы обошлось усотишнему дѣятелю и это маловременное его служеніе церкви Божіей. Иѣтъ пужды скрывать, что его точное и разумное служеніе дѣлу Божію, его чистая, безкорыстная, нелицепріятная дѣятельность однимъ казалась излишне строгою, а въ другихъ, кого она ближе касалась, вызывала чувство боли и внутреннего недовольства. Но кто не знаетъ, что исполненіе закона и долга никогда не обходится безъ жертвы и что требованія ихъ всегда отзываются чувствомъ, непріятнымъ для нашего самолюбія? Кто не знаетъ, съ другой стороны, что застарѣлыя раны всегда требуютъ энергическихъ усилій и сильныхъ средствъ? — Въ лицѣ Іисуса Христа была воплощенная любовь Божественная; но развѣ Онъ не поражалъ грознымъ словомъ дѣла книжниковъ и фарисеевъ, оставившихъ въ сторонѣ судъ и правду, а посредствомъ лицемерія собиравшихъ себѣ сокровища? Развѣ Онъ не употреблялъ бича и не изгонялъ силою изъ храма людей, вносившихъ во святилище дѣла житейской корысти и домъ Божій превращавшихъ въ вертепъ обмана и разбоя? Развѣ Апостоль Павелъ, готовый душу свою положить за чадъ своихъ, которыхъ онъ родилъ благовѣствованіемъ, не угрожалъ нѣкогда Коринѳянамъ притти къ нимъ съ апостольскимъ жезломъ въ руки?...

Иногда Апостоль Павелъ, защищая себя противъ взводимыхъ на него обвиненій, писалъ: *для меня очень мало значитъ, какъ судите обо мнѣ вы, или какъ судятъ другіе люди; ибо и самъ я не сужу о себѣ, хотя я ничего не знаю за собою: судія мнѣ Господь* (1 Корі 4). Можно ли не повторить

этихъ высокихъ словъ великаго Апостола при предстоящемъ гробѣ?—Сосредоточенная, сокровенная, самоуглубленная, честная, безкорыстная и нелицеприятная христіанская жизнь и дѣятельность нашего Архипастыря какъ бы сами собою всегда говорили и особенно говорить нынѣ: «судія мнѣ—Господь, къ Которому постоянно обращены были моя мысль и моя совесть и на судъ Котораго предстаю я нынѣ»!

Преосвященнѣйшій Владыко! Мы вполне сознаемъ, что наши слова и мысли въ сравненіи съ твоею мощною бесѣдою суть тоже, что звѣзды предъ солнцемъ; но—Ты самъ знаешь, что надъ прахомъ отца или матери уместны и слабыя, и невинныя слова дитяти!...

Свящ. Д. Лебедевъ.

Р Ѣ Ч Ъ,

Произнесенная при гробѣ Преосвященнѣйшаго Іоанна,

20 марта, на вечерней панихидѣ.

Предстоя предъ гробомъ мудраго и великаго своего Архипастыря, что скажемъ ему, дорогіе сотоварищи? Какой вздохъ произнесемъ и въ какой формѣ выразимъ его?—Не будемъ воспѣвать, Архипастырь, величіе твоей дѣятельности и твоихъ высокихъ нравственныхъ силъ. Не вамъ принадлежитъ сужденіе о высотѣ твоего ума. Пусть исторія, запечатлѣвающая дѣятельность людей съ ихъ характеромъ, разберетъ значеніе твое для нашей эпохи. Намъ же, когда въ послѣдній разъ предстоимъ предъ бездыханнымъ твоимъ тѣломъ, позволю изъ

лить своими теплыми молитвами свою юношескую благодарность къ Тебѣ за твою отеческую любовь къ намъ, за твое снисхожденіе къ нашимъ недостаткамъ, позволь раскрыть намъ предъ тобою свою душу, глубоко потрясенную твоею неожиданною смертію. Тамъ, въ глубинѣ своего сознанія, находимъ мы, къ несчастію, двоякаго рода чувства. Одни—и самыя горкія, составляющія теперь предметъ нашихъ нравственныхъ страданій, это—чувства бывшего недовольства нашего твоею дѣятельностію: оно родилось въ насъ вслѣдствіе высокихъ и чистыхъ твоихъ требованій и цѣлей. При жизни, съ любовію прощающей наши юношескія заблужденія, прости и теперь, когда переселился Ты въ обитель Отца Небеснаго. Приверженность къ прежнимъ порядкамъ и недалновидность не позволила намъ отличить тѣхъ высокихъ и законныхъ твоихъ требованій, которыхъ желалъ видѣть Ты и въ насъ: все это для нашей неокрѣпшей воли было тяжело и ново, и казалось невыполнимымъ. Прости намъ, судьба тѣхъ высокихъ личностей, которымъ суждено вести людей по чистому нравственному пути всегда такова!... Но у насъ есть и другого рода чувства: это чувство вѣчной признательности къ тебѣ. Да, провѣря безпристрастнымъ взглядомъ свою внутреннюю сторону, мы находимъ, что Твоя высокая личность слишкомъ глубоко отразилась и на насъ, Твое твердое убѣжденіе произвело неизгладимое впечатлѣніе и на наше направленіе. Сочувствуя всему высокому, относясь съ самымъ сильнымъ убѣжденіемъ къ истинамъ вѣры, говоря о нихъ съ живымъ сочувствіемъ и одушевленіемъ, выступая къ вольномыслию людей, безумствующихъ въ дѣлахъ религіи, съ глубокимъ обвинительнымъ словомъ и безъ лицепріятія выясняя современное нравственное состояніе,—всѣмъ этимъ Ты показаль намъ, какъ должны

быть дороги для насъ истины вѣры, научилъ насъ своимъ живымъ примѣромъ, какъ намъ должно относиться къ защищенію ихъ и какъ смотрѣть на поносителей имени Господа Иисуса Христа. Слушая нерѣдко твои церковныя собесѣдованія, мы глубоко запечатлѣли ихъ въ сердцахъ своихъ и не забудемъ никогда, никогда, какъ твои уроки, такъ и тѣ минуты, въ которыя Ты ихъ говорилъ!... Позволь намъ излить Тебѣ благодарность за пробужденіе въ насъ высокихъ и святыхъ понятій и убѣждений о томъ родѣ служенія, къ которому мы готовимся. Требуя отъ поступающихъ на служеніе церкви основательнаго знанія истинъ христіанскихъ, Ты пробудилъ въ насъ сознаніе о томъ, чего требуетъ отъ насъ званіе священнослужителя. Мы убѣдились, что это не ремесло, обуславливающее существованіе наше на землѣ, но высокое служеніе для прохожденія котораго требуется и напряженное развитіе силъ и способностей, и огромный запасъ знаній изъ всѣхъ областей вѣдѣнія,—служеніе, исполненное терпѣнія и волеи, которыя мы должны будемъ со всюю онытностію и несбыновеннымъ пастырскимъ терпѣніемъ очищать и искорѣнлять... Теперь же, когда Ты оставляешь насъ, снизойди къ нашимъ юношескимъ чувствамъ, прими нашу сердечную благодарность и, находясь въ доѣ Авраама, благослови насъ и моли Господа о ниспосланіи намъ необходимыхъ силъ къ выполненію въ предстоящемъ намъ званіи тѣхъ высокихъ обязанностей, которыя насъ ожидаютъ... Да будетъ благословенна память Твоя и имя Твое во вѣки!..

Воспитанникъ семинаріи VI класса Александръ Соколовъ.

С Л О В О

ПРИ ПОГРЕБЕНИИ ПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ІОАННА,

ЕПИСКОПА СМОЛЕНСКАГО.

Еще святилась звѣзда съ тверди церковной! И еще погасъ свѣтильникъ, который ярко горѣлъ и свѣтилъ на всю церковь русскую! Сомкнулись золотыя уста, смолкло слово, полное силы и мудрости Евангельской, красоты и величія церковнаго; не стало пастыря ревностнаго и учителя великаго! Скрывается тѣсный гробъ обильныхъ дарованій, великій умъ и волю вѣрную, знаніе многообъемлющее и глубокое; нисходитъ въ могилу жизнь многотрудная и многоплодная, обѣщавшая впереди дѣятельность великую и благотворную!

Пастырь добрый, за чѣмъ такъ рано оставляешь паству свою осиротѣлою? Или земную храмину твою отяготилъ умъ многопечительный? Или немощная плоть не вынесла напряженій духа бодрого? Или твое призваніе на землѣ кончилось, посланничество исполнено? Или дѣло, которое дано было тебѣ совершить, ты совершилъ, и настало время твоего отшествія? Или Небесный Домовладыка, вручавшій тебѣ таланты свои, въ пришествіи своемъ, нашелъ тебя вѣрнымъ рабомъ, достойнымъ небесныхъ обителей и соучастіемъ въ блаженствѣ своемъ, а въ насъ усмотрѣлъ лукавыхъ и лѣнивыхъ рабовъ? . . . Да, если волосъ съ головы пашей не можетъ упасть безъ воли Отца небеснаго; то жизнь нарочитаго избранника Божія

не можетъ прекратиться безъ опредѣленія Божія, свѣдѣніемъ церкви не можетъ погаснуть безъ маговенія Ходящаго между свѣдѣніями (Апок. 2, 1.). Въ этомъ убѣждаетъ насъ Божественное откровеніе. Съ смиреніемъ покоримся волѣ Господа, будемъ просить Его о раствореніи гнѣва милостію, уладимъ горестъ разлуки съ почившимъ Архипастыремъ, уповаемъ, что онъ переселился отъ насъ въ обители праведныхъ, въ *мерковы первородныхъ, на небесахъ написанныхъ*, и поощремъ у гроба его себя назиданію.

Привидѣ смерти и гроба мы обыкновенно, сосредоточиваясь въ самихъ себѣ, обращаемъ свой умственный взоръ съ судьбы почившаго на свою собственную судьбу, задаемъ себѣ вопросъ о назначеніи и цѣли своей жизни на землѣ. Что же такое жизнь наша?—спрашиваемъ мы себя невольно, смотримъ на жизнь, разбитую смертію. Для чего мы живемъ здѣсь? Въ чемъ состоитъ истинное назначеніе кратковременнаго бытія нашего на землѣ? Какаѣ цѣли нашей жизни въ этомъ мірѣ? Не правды, братіе, что эти вопросы возникаютъ въ душахъ вашихъ и настойчиво требуютъ отвѣта особенно теперь, въ виду гроба сего, который уноситъ отъ насъ дорогую жизнь, только что прецѣдывшую, свое теченіе,—жизнь, добровольно отказавшуюся отъ міра, со всѣми его удовольствіями, посвященную на служеніе одному Богу, знавшую одинъ тяжелый трудъ и болѣзнь?

Многіе ищутъ въ жизни одного счастія и радостей, однихъ удовольствій и наслажденій, одного удовлетворенія своему, самолюбію. Многіе ставятъ задачею своей жизни пріобрѣтеніе почестей, славы и богатства. Могутъ ли всѣ эти блага служить истинною цѣлію нашей жизни?—Правда, потребность наслажденія глубоко лежитъ въ нашей природѣ, законное удовлетвореніе этой потребности позволительно; но что

одно наслажденіе поставить цѣлюю своей жизни, тотъ скоро долженъ будетъ сознаться, что жизнь его пуста и ничтожна. Наслажденіе, какъ бы ни разнообразили его, производить пресыщеніе и оставляетъ по себѣ непріятное чувство томленія и скуки въ душѣ, жаждущей удовлетворенія своимъ высшимъ потребностямъ. Богатство, честь и слава могутъ надолго завлечь дѣятельность человѣка, возбудить энергію благородныхъ силъ его духа, могутъ служить средствомъ къ достиженію высшей цѣли, но сами по себѣ всѣ эти блага недостойны того, чтобы существо разумное, предназначенное къ вѣчной жизни, считало ихъ своимъ высшимъ благомъ. Если онѣ сами не измѣнили своему господину; то рано или поздно онъ долженъ будетъ разстаться съ ними. Если бы въ продолженіи своей жизни онъ ошибался въ ихъ истинномъ значеніи, то при смерти долженъ будетъ повторить о нихъ приговоръ Соломона; *вся суета и крушеніе духа* (Екк. 2, 2.).

Выше личныхъ выгодъ, важнѣе удовлетворенія самолюбію стоитъ служеніе счастію семейства и благу общества. Тотъ преслѣдуетъ серьезную цѣль, кто устроитъ счастіе близкихъ своему сердцу, доставляетъ имъ средства къ жизни въ настоящемъ и старается обезпечить ихъ будущность. Еще выше и цѣпнѣе дѣятельность, посвященная благу общества. Но люди могутъ жить и внѣ семейства; общественныя обязанности лежатъ не на всѣхъ. Притомъ человѣкъ не есть только членъ опредѣленнаго гражданскаго общества, но и гражданинъ всемірнаго царства Божія, не царь только земли, но и наследникъ неба. Временная жизнь его на землѣ—приготовленіе къ вѣчности. Потому главная цѣль его жизни, находясь за предѣлами всего видимаго, условнаго и преходящаго, должна быть общецѣлюю для каждой отдѣльной жизни и для всѣхъ въ совокуп-

ности, но вмѣстѣ съ тѣмъ, должна быть и сообразна съ природою человѣка, какъ существа разумно-правственнаго, призваннаго къ участию въ благахъ царства Христова и къ наслѣдію вѣчнаго блаженства.

Міръ, по ученію Слова Божія, есть великое царство Господа, гдѣ все подчинено Его законамъ, все исполняетъ Его волю (Пс. 18, 2—5. 118, 89—91. Прем. Сол. 16, 24.) Его трепещутъ всѣ умныя Силы, Его поетъ солнце, Его славить луна, Его слушаетъ свѣтъ, Ему работаютъ источники. Человѣкъ такъ же, какъ и всѣ твари, во всемъ зависитъ отъ Бога, и потому долженъ исполнять законъ Его. Христіанинъ, кромѣ того, къ исполненію воли Божіей обязываетъ ученіе и примѣръ Единороднаго Сына Божія Іисуса Христа, который, объясняя ученикамъ свои ихъ призваніе, сказалъ о Себѣ: *не прииде сынъ человѣческій, да послужитъ Ему, но послужити* (Матѣ. 20, 28). Даруя человѣку бытіе и жизнь, вводя его въ царство Свое, Господь призываетъ его на служеніе Себѣ. Для этого Онъ сообщаетъ ему разлитыя силы и способности, полагаетъ въ душѣ его залогъ единенія съ Собою—свой образъ, надѣляетъ умомъ, посредствомъ котораго онъ можетъ и въ природѣ и въ откровеніи познавать своего Творца и Владыку; полагаетъ въ его совѣсти законъ свой, который онъ долженъ уяснить себѣ и исполнить въ жизни. Одаренный этими способностями и поставленный въ виду природы, безсознательно исполняющей волю своего Творца и воздѣвающей Его славу, человѣкъ, какъ существо разумное, долженъ давать смыслъ сея глаголамъ, открывать сокрытый въ ея устройствѣ и теченіи, непонятный для нея, разумъ, и возносить къ престолу Божію отъ лица ея жертву хвалы и благодаренія. Рождаясь на свѣтъ, человѣкъ вступаетъ въ царство свободно—

разумныхъ существъ, состоящее подъ особеннымъ смотрѣніемъ Божиимъ. Существа сія находятся въ состояніи паденія и испорченности, но способны къ исправленію и безконечному усовершенію. Самъ Богъ совершаетъ дѣло спасенія ихъ, такъ впрочемъ, что они сами свободно должны участвовать въ этомъ дѣлѣ, спасая, при помощи благодати Божіей, себя и другихъ. Вводя человѣка въ царство это, Господь какъ бы такъ говоритъ ему: Я вручаю тебѣ судьбу твою и счастье дорогихъ Мнѣ существъ; предоставляю тебѣ все средства для устроенія собственнаго твоего спасенія и спасенія собратій твоихъ. Употребляй на это дѣло все дарованныя тебѣ силы; вѣруй самъ Моей истинѣ и учи вѣрить ей другихъ; исполняй Мою волю, дѣлай добро самъ и возбуждай къ тому окружающихъ тебя; приготовляйся къ вѣчной жизни самъ и приготовляй къ ней ближнихъ твоихъ. Нравственное улучшение и усовершенствование твое не имѣетъ границъ, потому никогда ты не можешь сказать, что сдѣлать довольно: *будь совершенъ, какъ Отецъ твой небесный совершенъ есть* (Матѣ. 5, 48) — вотъ цѣль твоихъ стремленій; *будь святъ, какъ Я святъ* (Петр. 1, 16. 1 Сол. 4, 3.), вотъ Моя воля. Исполняя эту волю, ты дѣлаешься помощникомъ Моимъ, соработникомъ Моимъ, соучастникомъ въ исполненіи начертаннаго Мною отъ вѣчности великаго плана спасенія рода человѣческаго, великаго дѣла Моей премудрости и безконечной любви. (Рим. 13, 4, 15, 16. 1 Кор. 3, 5. 9. Евр. 9. 14.). При исполненіи своего долга ты можешь встрѣтить въ лицахъ, тебя окружающихъ, зависть, ненависть, злобу и гоненіе. Мужайся, терпи и неси крестъ до гроба. Я всегда близъ тебя, Я буду видѣть твои труды и страданія. Вѣчная награда вѣрному рабу у Меня готова всегда.

Итакъ не случайно мы являемся на свѣтъ, не счастливое сочетаніе силъ природы и не слѣпая необходимость даютъ намъ бытіе, но премудрый Творецъ и Правитель міра посылаетъ насъ въ этотъ міръ для исполненія Своей воли, въ то время, когда по плану Его міроуправленія оказывается здѣсь нужною и наша жизнь. Не для однихъ удовольствій и радостей дается намъ жизнь; не въ благахъ временныхъ заключается наше высшее благо на землѣ; не самолюбіе и произволъ должны управлять нашею дѣятельностью: мы посланники Божіи въ этомъ мірѣ, исполнители великаго дѣла Божія на землѣ; высшее благо наше состоитъ въ служеніи Господу, конечная цѣль нашей жизни—исполненіе воли Божіей.

Какую цѣпу, какое высокое значеніе получаютъ при этомъ взглядѣ на жизнь всѣ наши званія и состоянія, всѣ роды служенія, всѣ наши занятія, всѣ дѣла наши! Земледѣлецъ и ремесленникъ, бѣдный и несчастный, равно какъ вельможа, богачъ и счастливецъ, всѣ дѣла свои могутъ освящать исполненіемъ въ нихъ заповѣдей евангельскихъ, всю жизнь свою могутъ сдѣлать однимъ непрерывнымъ служеніемъ Господу и путемъ къ царству небесному. А сознавая высоту своего призванія, на какое самоотверженіе, на какіе подвиги христіанинъ не можетъ обречь себя? Ничто такъ сильно не воодушевляетъ насъ къ дѣятельности, ничто такъ не радуется и не утѣшаетъ, какъ убѣжденіе, что намъ поручено полезное дѣло, что на насъ лежитъ важная обязанность, что дѣятельность наша принесетъ благіе плоды. Это убѣжденіе воодушевляетъ мужествомъ воина во время брани и заставляетъ его жертвовать своею жизнью за благо отечества. Сознавая пользу и важность своего служенія истинѣ, ученый среди трудовъ

своихъ лишаетъ себя сна и забываетъ о пищѣ, предпринимаетъ далекія путешествія, сопряженные съ опасностію для жизни. Но истинное достоинство дѣлъ нашихъ определяется все—таки не временною ихъ пользою, не внѣшнимъ блескомъ и славою, а тѣмъ, что они имѣютъ въ себѣ вѣчнаго, какое внутреннее, нравственное значеніе заключаютъ въ себѣ,—тѣмъ, на сколько при совершеніи ихъ мы были чужды корыстныхъ побужденій, въ какой мѣрѣ выразили въ нихъ свою вѣру и любовь къ Богу и выполнили Его волю, до какой степени нравственного совершенства, при содѣйствіи благодати Божіей, достигли чрезъ нихъ сами и возвысили другихъ, на сколько себя и своихъ ближнихъ подготовили къ вѣчному блаженству. И дѣйствительно, выше свободной дѣятельности, посредствомъ которой человекъ входитъ въ соприкосновеніе съ всемогущею дѣятельностію Божіею, цѣннѣе и прочнѣе дѣлъ, которыми онъ участвуетъ въ исполненіи вѣчнаго плана любви Божіей и вмѣстѣ съ тѣмъ готовится къ участию въ вѣчномъ блаженствѣ, ничего не можетъ быть на землѣ. И обитатели неба все свое блаженство ставятъ въ исполненіи воли Божіей. Самъ Единородный Сынъ Божій свидѣтельствовалъ о себѣ, что Онъ приходилъ на землю для служенія, для исполненія воли посланнаго Его Отца, и въ совершеніи порученнаго Ему дѣла полагалъ всю Свою славу. (Іоан. 17, 4. 5. Мат. 20, 28.)

Возвышая достоинство и цѣну нашей дѣятельности, исполненіе воли Божіей сообщаетъ нашей волѣ твердость, устойчивость въ одномъ направленіи, вноситъ въ жизнь порядокъ и стройность и дѣлаетъ её постояннымъ, неустаннымъ стремленіемъ къ высшему совершенству. Мы часто въ своей дѣятель-

ности колеблемся то на правую, то на лѣвую сторону, совершаемъ дѣла то добрыя, то худыя, желаемъ угодить то Богу, то міру. Незвѣстность будущихъ послѣдствій дѣла, опасеніе непріятностей, могущихъ произойти отъ него, иногда останавливаютъ насъ на половинѣ дороги въ недоумѣніи: какъ идти дальше? Что дѣлать? Встрѣтивъ неудачу въ предпріятіи, не видя вниманія къ своимъ трудамъ не слыша похвалъ своему дѣлу, мы часто опускаемъ руки, теряемъ снѣргію, или уклоняемся въ противную сторону. Вслѣдствіе сего въ жизни нашей происходитъ разладъ, дисгармонія, безпорядокъ; вслѣдствіе сего мы часто падаемъ нравственно и если идемъ, то идемъ не къ небу. Не такъ бываетъ съ христіаниномъ, утвердившимъ волю свою въ волѣ Божіей. Имѣя въ виду одну, однажды на всегда опредѣленную цѣль,—цѣль самую высокую, онъ идетъ къ ней твердыми шагами, прямою дорогою, не обращая вниманія на ея неровности. Никакія сомнѣнія и опасенія за будущее не смущаютъ и не останавливаютъ его, потому что будущее, съ полною надеждою на премудрость и благость Божію, отдано въ распоряженіе Промысла Божія. Судъ міра и клевета людская не повергаютъ его въ уныніе и не лишаютъ бодрости духа; свидѣтельство правоты своего дѣла онъ находитъ въ согласіи его съ волею Божіею и въ своей совѣсти и продолжаетъ исполнять свой долгъ съ твердостью и постоянствомъ. Ни честолюбіе, ни челоуѣкоугодничество не могутъ поколебать его рѣшимости и измѣнить принятаго имъ направленія, потому что онъ стремится къ почести вышняго званія, болѣе всего любитъ Бога и Ему одному желаетъ угождать и служить. Чѣмъ выше становится его положеніе въ обществѣ или Церкви, чѣмъ глубже сознаетъ онъ важность своего служенія, тѣмъ сильнѣе разгарается въ

немъ ревность о дѣлѣ Божіемъ, на которое онъ призванъ, тѣмъ больше оказывасть самоотверженія въ исполненіи обязанностей своего званія. Вѣрному служителю Божію угрожаютъ на пути его служенія скорби, узы, темница; онъ знаетъ объ этомъ и между тѣмъ идетъ на встрѣчу опасности съ непоколебимою твердостью духа. *Я ни на что не взираю, говорить онъ, не дорожу и самою жизнью, только бы совершить съ радостью свой путь и служеніе, которое принялъ я отъ Господа Иисуса проповѣдывать Евангеліе благодати Божіей* (Дѣл. 20, 22—24). Самая смерть, столь ужасная для многихъ, не страшитъ истиннаго послѣдователя Христова и не колеблетъ его воли, потому что онъ привыкъ къ мысли о смерти, какъ о неизбѣжномъ концѣ своего земнаго странствованія, и ждася освободиться чрезъ нее отъ узъ плоти, стѣсняющей дѣятельность безсмертнаго духа; смерть за имя Христово для него не лишеніе, а приобрѣтеніе лучшей, блаженной жизни; она даетъ ему возможность тѣснѣе соединиться со Христомъ въ царствѣ славы, по непреложному обѣтованію Господа: *идѣже есмь Азъ, ту и слава Моя будетъ*.

Исполненіе воли Божіей самоотверженное было единственною цѣлію и подвигомъ всей жизни въ Бозѣ почившаго Архипастыря. Призванный на служеніе церкви самымъ рожденіемъ и воспитаніемъ своимъ, онъ, по окончаніи своего образованія, размышляя о цѣли жизни, пришелъ къ убѣжденію, что для человека нѣтъ выбора между Богомъ и міромъ, что онъ не имѣетъ права колебаться между своею волею и волею Божіею, и въ этомъ убѣжденіи рѣшилъ посвятить себя всецѣло на служеніе Господу. Блестящіе дарованія открывали ему много путей въ жизни. Онъ зналъ, что во всякомъ званіи и состояніи можно исполнять волю Божію; но вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ, что

въ мірѣ возможно уклоненіе отъ главной цѣли неамѣрное, нечаянное. Чтобы избѣжать противорѣчій въ жизни, онъ запечатлѣлъ свою рѣшимость торжественнымъ обѣтомъ отреченія отъ міра. Съ тѣхъ поръ жизнь почившаго Архипастыря стала однимъ безраздѣльнымъ служеніемъ дѣлу Божию. Проходя важныя должности учителя, воспитателя и начальника въ высшихъ духовноучебныхъ заведеніяхъ въ теченіе 20 слѣдующихъ лѣтъ, прѣдговоря на служеніе церкви учителей ся, онъ не ограничивался исполненіемъ прямыхъ своихъ обязанностей, а самостоятельно разработывалъ поле духовной науки, слѣдилъ въ тиши своей уединенной жизни за многостороннимъ и быстрымъ ея развитіемъ, пролагалъ этому развитію новые пути, издавалъ свей собственные учено-богословскіе труды. Этого было мало для его ревливой дѣятельности въ пользу церкви Божіей. Онъ изучалъ современное религіозно-правственное состояніе общества и обличалъ недостатки его въ своемъ словѣ, полнымъ горячей ревности о спасеніи заблуждающихъ отъ истины Христовой. Онъ съ сочувствіемъ слѣдилъ за всѣми новыми явленіями въ государственной жизни нашего отечества и каждое пововведеніе, каждое преобразованіе, въ духѣ вѣры и церкви, первый съ радостію привѣтствовалъ съ церковной каюдры. Поприще пастырскаго служенія разширило только кругъ его дѣятельности и усугубило его ревность о дѣлѣ Божіемъ, не измѣняя ни сколько жизни вѣрнаго исполнителя воли Божіей. Глубоко сознавая важность и отвѣтственность своего служенія, онъ посвящалъ ему все время, все свои силы. Не смотря на слабость здоровья, онъ постоянно былъ въ трудѣ: отъ любимыхъ ученыхъ занятій переходилъ къ дѣламъ управленія, отъ этихъ дѣлъ къ священ-

подѣйствію, отъ престола Божія восходилъ на церковную ка-
седру и училъ, училъ иногда по пѣскольку дней сряду.

Прости, Архипастырь, что мы слабымъ словомъ своимъ кос-
нулись великаго подвига жизни твоей. Память твоя всегда
будетъ съ похвалами, но не намъ силетать вѣнецъ хвалы на
великую главу твою; мы ищемъ въ жизни твоей только на-
зиданія и утѣшенія. Она разрѣшаетъ намъ вопросъ о цѣли
Христіанской жизни самымъ нагляднымъ способомъ и пред-
ставляетъ собою высокій примѣръ для подражанія. Она пока-
зываетъ намъ, что главною цѣлію всей твоей многообразной
дѣятельности было постоянное исполненіе воли Божіей, что
на служеніе этой цѣли ты посвящалъ всѣ вѣщныя тебѣ та-
ланты, всѣ свои силы. А это внушаетъ намъ утѣшительную
надежду и твердую увѣренность, что ты, по окончаніи служе-
нія своего на землѣ, предсталъ въ Господу съ словами вѣр-
наго раба: *Господи, пять талантъ ми еси предалъ: се дру-
гія пять талантъ пріобрѣтохъ ими*, и что Господь счѣталь
тебя этимъ сладостнымъ привѣтствіемъ: *добръ, рабе благій и
вѣрный.... вниди въ радость Господа своего* (Матѣ. 25, 20. 21).

Архим. Несторъ.

РѢЧЬ,

на погребеніе въ Бозѣ почившаго Преосвященнѣйшаго Іоанна, Епископа Смоленскаго и Дорогобужскаго, произнесенная въ Смоленскомъ наедральномъ Богоявленскомъ Соборѣ 21-го марта 1869 года,—(въ пятницу на 3-й недѣли великаго поста),—при окончаніи провода, по пропѣтіи великаго славословія.—

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.—

Итакъ, братія, вотъ когда открылся истинный смыслъ тѣхъ словъ, которыя почившій Архипастыръ нашъ, почти съ самаго пребытія своего на Смоленскую паству, нѣкоторымъ изъ своихъ знаемыхъ неоднократно повторялъ, говоря:—„Я съ вами не долго побуду“.—Вотъ когда понятны стали всѣмъ намъ, бывшія доселѣ непонятными, слова Его:—„Я не долго проживу у васъ“.—

Дѣйствительно, не долго,—очень не долго,—только два года и три мѣсяца послужилъ Ты у насъ, Святитель Христовъ.—

За что же такъ скоро оставляешь насъ, Владыко Святый?—Еще мы не успѣли хорошо узнать Тебя; только начали узнавать. Можетъ быть, и Ты еще не всѣхъ и не все здѣсь узналъ. И, вотъ,—уже разлучаешься со всѣми.—

Ахъ! Давно ли мы встрѣчали и привѣтствовали Тебя въ этомъ самомъ храмѣ? И, вотъ,—въ этомъ же храмѣ сегодня провожаемъ Тебя и прощаемся съ Тобою на вѣки.—

За чѣмъ же такъ скоро отходишь отъ насъ Отецъ нашъ?— Или Тебѣ пріятнѣе пребываніе съ почившими предмѣстниками Твоими по кафедрѣ Смоленской, чѣмъ сожительство съ нами недостойными?—

Да! Мы давно примѣчали, что Ты, Архипастырѣ нашъ, съ самаго начала поступленія своего на здѣшнюю паству и во все остальное время, помышлялъ не столько о временномъ здѣсь пребываніи, сколько объ устроеніи у насъ вѣчнаго себѣ покоища.—

Такъ, Ты не любилъ самыхъ обычныхъ и должныхъ сану Твоему почестей; не дозволилъ ничего торжественнаго даже и при первой встрѣчѣ Тебя здѣсь, по пришелъ сюда просто и смиренно, какъ будто нарочито отлагая всякій видъ торжественности до дня своего погребенія.—

Далѣе, во все время пребыванія своего въ Смоленскѣ, жилъ Ты въ совершенномъ уединеніи, всячески избѣгая даже и краткихъ пріемовъ или посѣщеній. И все это, конечно, потому, что желалъ заблаговременно и скорѣе отрѣшиться отъ всего житейскаго,—желалъ лучше со Христомъ жити и втайнѣ уготовлять себя къ сему вождѣлстному сожительству.—

Самое жилище свое среди насъ устроилъ Ты въ томъ же духѣ и съ тою же тайною мыслию. Ибо, для чего, иначе, Ты окружилъ себя изображеніями почившихъ предмѣстниковъ своихъ по здѣшней кафедрѣ,—Гедсона, Святителей Пароенія, Дмитрія, — тѣхъ самыхъ, съ могилами которыхъ отпущѣ рядомъ будетъ и Твоя могила?—

Какъ объяснить и то, что, назадъ тому три мѣсяца, совершая въ одной изъ здѣшнихъ градскихъ обителей память о всѣхъ усопшихъ Іерархахъ Смоленскихъ, Ты просилъ и завѣщалъ тщательно соблюдать и беречь гробы тѣ изъ нихъ, кои тамъ

почиваютъ?—Не мысль ли о близкомъ собственномъ гробѣ была главною причиною столь трогательнаго прощанія и нежданнаго для насъ завѣщанія?—

Не скрылось также отъ насъ,—съ какимъ усердіемъ, въ упомянутомъ случаѣ, молился Ты надъ гробами бывшихъ митрополитовъ Смоленскихъ:—Симеона, обоихъ Сильвестровъ и Дороева,—съ какимъ благоговеніемъ обошелъ мѣсто погребенія ихъ,—съ какою любовію приложился ко гробу cadaго изъ нихъ,—О, безъ сомнѣнія, Ты молился въ то время и о своемъ исходѣ, помышлялъ предъ Богомъ и о своемъ гробѣ.—

Не забыли мы и первыхъ словъ проповѣди Твоей на новый нынѣшній годъ. Ты началъ ее вопросомъ:—„радоваться ли намъ въ этотъ новый годъ, или плакать?“—Скажи, нашъ незабвенный проповѣдникъ: чѣмъ инымъ самый вопросъ этотъ былъ вызванъ у Тебя, какъ не Твоимъ же собственнымъ предчувствіемъ того смертнаго часа, который нынѣ постигъ Тебя и тѣмъ заставилъ чадъ Твоихъ проливать горькія слезы?—

Помнимъ мы и то, какъ, за мѣсяцъ предъ симъ, не смотря на крайнее изнѣможеніе и истощеніе тѣлесныхъ силъ своихъ,—не смотря даже на рѣшительное воспрещеніе Тебѣ врачомъ всякаго труда и всякаго напряженія,—Ты, однакожъ, пожелалъ, лично видѣть и принять у себя собравшихся въ то время (по дѣлу о женскомъ духовномъ училищѣ) пастырей—представителей духовенства всѣхъ уѣздовъ Смоленской Епархіи. И когда Ты увидѣлъ ихъ, то долго—долго, отечески, искренно и откровенно бесѣдовалъ съ ними; затѣмъ, съ особенною любовію благословилъ всѣхъ и простился со всѣми.—Не предчувствіе ли послѣдняго на землѣ свиданія съ этими пастырями заставило Тебя забыть на этотъ разъ всю болѣзнь и немощь, и почти два часа простоять въ бесѣдѣ съ ними?—

Потѣмъ мы слышали, съ какимъ волненіемъ въ голосъ и трепетомъ въ сердцѣ читалъ Ты надъ главами нашими отпустительную молитву за вечерней такъ—называемаго прощальнаго воскресенья, когда благословлялъ насъ начинать нынѣшнюю святую четырехдесятницу. Мы замѣтили, съ какимъ теплымъ участіемъ и чувствомъ Ты испрашивалъ тогда у всѣхъ насъ христіанскаго прощенія себѣ во всѣхъ своихъ грѣхахъ,—съ какою любовію и смиреніемъ преподавалъ всѣмъ святильское свое благословеніе.—Ахъ! Конечно, Ты чувствовалъ, что и эта четырехдесятница, и это обычное церковное прощаніе—для Тебя уже послѣднія.—

Наконецъ, мы видѣли, какъ совершалъ Ты въ этомъ самомъ храмѣ и послѣднюю въ жизни Твоей божественную литургію. Мы видѣли, и потому вполне убѣждены въ томъ, что Ты совершалъ ее только потому, что самъ былъ увѣренъ, что болѣе совершать ее уже не будешь.—И лице Твое, и голосъ, и многія другія движенія и приемы Твои ясно показывали намъ, что Ты съ великимъ усиліемъ, или, правильнѣе, совершенно черезъ силу священнодѣйствовалъ въ тотъ день. Для чегоже, значить, священнодѣйствовалъ?—Единственно для того чтобы причащеніемъ Тѣла и Крови Искупителя окончательно приготовить себя къ наступавшему уже, давно желанному и ожидаемому переходу изъ жизни временной въ жизнь вѣчную.—

Нужны ли другія свидѣтельства въ подтвержденіе того, какъ давно и крѣпко Архипастырь нашъ сроднился съ мыслию о близкой своей кончинѣ и о приготовленіи къ ней?—

Нѣтъ, братіе, довольно и этого, чтобы вполне убѣдиться въ томъ, что „не внезапно найде на Него страшный часъ смертный“. — Нѣтъ! Кончина Его невнезапна.—Не скоро или вдругъ она постигла Его; но приближалась къ Нему съ давней по-

ры,—медленно и постепенно.—Кончина Его внезапна только для насъ, какъ вовсе не ожидавшихъ ее,—только для насъ; но никакъ не для Него.—Онъ,—во всемъ дальновидный и мудрый Святитель,—давно ее предвидѣлъ, предчувствовалъ, ожидалъ. Онъ давно, готовился къ ней,—и давно, достойно приготовился.—Да, братіе,—достойно приготовился: ибо предалъ душу свою въ руки Пастырснаачальника своего, Господа Іисуса Христа, сряду почти послѣ того, какъ Самъ, въ таинствѣ Причащенія, принялъ Его вѣрою и любовію не только на руки свои, но и въ сердце свое.—

Чѣмъ же заключимъ настоящую бесѣду нашу съ преставившимся Архипастыремъ нашимъ?—Какой урокъ изнесемъ отъ этого гроба,—отъ этого невыразимо-печальнаго событія? —

Мнѣ кажется,—простите меня, отцы и братія,—мнѣ кажется, что еслибы самъ почившій нашъ Святитель—наставникъ могъ теперь встать и что—нибудь сказать намъ,—Онъ, безъ сомнѣнія, сказалъ бы намъ, между прочимъ, вотъ что:—

„Не скорбите о мнѣ, возлюбленніи мои чада и братія, и не испытуйте дерзновенно путей и судьбъ Господнихъ въ конциѣ моей; но паче внимайте себѣ и своему спасенію, а меня съ миромъ отпустите къ небесному моему Отцу.—Блюдите!—Се, Женихъ,—Господь нашъ Іисусъ Христосъ,—можетъ быть, и къ вамъ уже грядеть, какъ пришелъ Онъ ко мнѣ.—Можетъ быть, уже стоитъ Онъ,—праведный судія,—и при вашихъ дверяхъ.—Можетъ быть, и вашъ конецъ приближается.—Будьте же готовы!—Трезвитесь, молитесь на всякій часъ Богу (Вел. кан. пѣсн. 9 ст. 9): ибо не вѣсте дне, ни часа, въ оныя же Сынъ Человѣческій придетъ (Матѣ. 25, 13) и возметъ васъ отъ міра сего“,—

„Говорите, какъ можно чаще и громче, душѣ своей:—душѣ моя, душѣ моя,—востани, —что спиши?— (Вел. кан. кон. по 6-й пѣсни).—Восприими, о душѣ моя! Дѣянiя твоя, яже содѣлала еси, помышляй, и сiя предъ лице твое принеси, и каплю испусти слезъ твоихъ. (Вели. кан. пѣсн. 4 ст. 3).—Обратися, душѣ моя,—покайся,—открый сокровенная“. (Вел. кан. пѣсн. 7 ст. 19).—

„Указывайте ей на гробъ мой и на прочiе гробы, и требуйте у ней отвѣта на слѣдующiй вопросъ:—Ты же, грѣхлюбива сущи, окажаша душѣ, что сотвориши, аще чему отъ недовѣдомыхъ случится нанти тебѣ? (Вел. кан. пѣсн. 4 ст. 16).—Тѣмъ болѣе, что сотвориши тогда, егда и къ тебѣ придетъ Судiя испытати (тайная) твоа“? (Вел. кан. пѣсн. 9 ст. 1).—

„На всякiй день и часть напоминайте ей о смерти, странношъ судѣ и нескончаемой вѣчности.—Отъ лица Сiдѣщаго на престолѣ высоцѣ и грядущаго на облацѣхъ небесныхъ, Суди живыхъ и мертвыхъ,—говорите ей непрестанно:—вострепещи, душѣ окалина, вострепещи, и уготови исходищу дѣла твоя, да милостива и милосерда обрящши Его,—отцевъ Бога благословенна“.—(Изъ кон. I.X. пѣсн. 7 ст. 1) —

Вотъ что, между прочимъ, сказали бы намъ сегодня Богомудрый нашъ почившiй Архипастырѣ!—

Что же, братiя? Довольно для насъ и этого урока!—Будемъ только прилежнѣе изучать его,—вникать глубже въ смыслъ его,—а главное и—самое главное: —чаще и чаще будемъ помышлять о своей смерти и о своемъ гробѣ.—

Каѳедральный Протоіерей *Павелъ Ждановъ*.

Памяти покойнаго Іоанна, Епископа Смоленскаго.

Много задушевнаго высказано было у гроба Твоего, почив-
щій Архипастырь; но не отозвался ни одинъ голосъ изъ
среды мірскихъ членовъ сиротствующей паствы!... Они молча
и со скорбію чтятъ память твою и благовѣйно воспоминаютъ
все то, чему они обязаны твоему примѣру и твоей мудрости.

Мы не достойны оцѣнивать твои дѣла; но есть мысли, ко-
торыя напрашиваются наружу! Пусть каждый изъ насъ обра-
тится къ себѣ и скажетъ, что говоритъ ему его сердце при
видѣ твоей могилы, и пусть этотъ отвѣтъ, вмѣстѣ съ воплемъ
здѣсь предстоящихъ, свидѣтельствуеъ о той связи, которая
установилась въ короткое время между Пастыремъ и его
паствой.

Велика наша скорбь; да и можетъ ли она быть малой въ
виду тѣхъ обильныхъ трудовъ, которые подъяты были тобою
для нашего религіознаго возрожденія! Невольно припоминаются
при этомъ твои поученія, преисполненные силы, достойной
мужа отечественной Церкви: всегда и вездѣ ты призывалъ
насъ быть Христіанами по духу и дѣланіямъ напоминая, что
люди страданія Христу причиняютъ и теперь, но только въ
образѣ далеко болѣе отвѣственномъ, чѣмъ прежде; почти
за 2000 лѣтъ назадъ судъ падъ Христомъ производили люди
невѣжественные, теперь же судить Его современное просвѣщеніе.
Ты словомъ, исполненнымъ силы и неотразимой истины, доказалъ
намъ, что и нынѣ—среди насъ есть свой Іуда предатель—нашъ
бразумъ, есть свои Пилаты—дерзкіе и вольнодумные хулители
Христовъ ученья, что судъ іудейскій нынѣ совершаетъ обще-
ственное мнѣніе, спускательное ко всему, кромѣ религіи. Ты пред-
варялъ насъ, что чаша страданій Христовыхъ переполнилась и

напоминаль о послѣдствіяхъ сего. Твои поученія по этому предмету, излагаемыя въ формѣ глубокихъ изслѣдованій, безъ всякихъ признаковъ схоластики, твои слова, высокія по мысли, художественныя по изложенію, заканчивались всегда мѣткимъ вопросомъ изъ нашей духовной жизни, изъ нашего внутренняго міра; вопросы эти всегда возбуждали насъ къ серіознымъ размышленіямъ о дѣлахъ вѣры и, сказать правду, только твои художественныя проповѣди могли тронуть и подвинуть насъ къ релігіознымъ думамъ, только они могли подѣйствовать на наше заострѣлое сердце, воспріимчивое ко всему, кромѣ дѣлъ Божіихъ. Поученія твои получили такую громкую извѣстность, что въ дни твоего служенія храмъ Божій переполнялся и въ него стекались не только мѣстные жители, но и пріѣзжіе; не только такъ называемые вѣрующіе, но и признающіе одно знаніе и уклоняющіеся отъ св. вѣры; всякій уходилъ послѣ твоей проповѣди съ глубокою думой о Богѣ и съ новымъ запасомъ даваемыхъ для ^{личн.}серіозной оцѣнки своихъ поступковъ въ духѣ христіанства. Короче, сила твоего слова возраждала въ насъ нравственную почву для нашего земнаго счастья, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для спасенія. Какъ убѣдительно и неотразимы были твои релігіозные доводы! Мы знаемъ нѣсколькихъ изъ насъ, которые убѣждены были твоимъ словомъ, навсегда отказались отъ заблужденій и обратились въ молитвѣ....

Ты сочувствовалъ глубоко всему возвышенному, христіанскому: быстрыя и неотступныя требованія прогресса и жажда знаній встрѣчали въ тебѣ полное и серіозное сочувствіе; мудрость твоя вызывала насъ къ наукѣ и направляла къ движенію впередъ, но въ тоже время предостерегала словами: “вся испытуйте—хорошаго держитесь!”, а оцѣнка добраго и вреднаго указана была въ христіанствѣ. Стремленіе къ свободѣ, столь

заманчивой для каждого изъ насъ, находило въ тебѣ мощную опору, но ты доказалъ намъ, что свобода въ истиннаго христіанства есть злѣйшая изъ всѣхъ возможныхъ тираній и что превыше всѣхъ ученій о счастіи и свободѣ должно быть изреченіе Христа—“познайте истину и уразумѣете свободу,, Сомну властей предержавшихъ—администраціи ты напоминалъ, что не управляемые существуютъ для управляющихъ, а наоборотъ; что судьи—люди, и способны ошибаться; что всѣ мы между собою братья и по Христову ученію должны помогать и поддерживать другъ друга, а не пригибать слабыхъ; что поэтому самые лучшіе законы не создадутъ счастья, если примѣненіе требованій закона будетъ нехристіанское.

Таковы были духъ и направленіе твоей проповѣди и дѣятельности въ древнемъ, русскомъ и патріотическомъ нашемъ Смоленскѣ; дай Богъ чтобы мудрое слово твое, умѣвшее вызвать насъ изъ духовной дремоты и побуждавшее насъ чаще и чаще размышлять о дѣлахъ св. вѣры, долго жило и зрѣло среди насъ. Не скроемъ: поученія твои произпосились въ формѣ мало доступной пониманію большинства, но за то наиболѣе образованная, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наименѣе религіозная среда твоей осиротѣвшей паствы была возрождена въ духѣ Христіанства съ тѣхъ поръ, когда благодаря примѣру и слову твоему, предъ нами возсіялъ болѣе свѣтлый взглядъ на истинны религіи.

Какъ же не чувствовать послѣ всего этого всей силы и всего значенія утраты, понесенной Русской церковью и въ частности нами; какъ не возсылать теплыхъ молитвъ за все сдѣланное для насъ тобою въ короткій промежутокъ времени; какъ не чтить намъ память твою и не звать къ Богу, да-

бы насажденное тобою здѣсь добро росло, мужало и вывело насъ на путь истины и правды о Христѣ! Да помянетъ же Господь Богъ архіерейство твое во царствіи своемъ и да упокоитъ тебя Господь въ нѣдрахъ избранниковъ своихъ; мы будемъ непрестанно молить для тебя милости Божіей и Царствія Небеснаго!...

Подполковникъ *Михаилъ Духонинъ*.

21 Марта

1869 года.

Изъ № 7 Смоленскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Печатаны въ Типографіи А. Н. Переплетчикова.